

НОВЫЕ

РУССКИЕ

ТЁТКИ

Цена в России
договорная
За рубежом
\$500

**Мужчин
надо менять
без всякого
повода!**

**Я собираюсь
немедленно
отравиться!**

Маргарита Южина

Нервных просят утопиться

**Я больной
человек! У меня
клептомания!**

ISBN 5-699-11474-2



9 785699 114740 >

СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕР

Маргарита Южина

Нервных просят утопиться

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135475

Южина М. Нервных просят утопиться: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-22230-8

Аннотация

У этих мужиков всегда найдется тысяча причин, чтобы не сделать даме предложение! В конце концов, кто кого завоевывает?! Вот и бегай за ними, отбивайся от хищных соперниц. А мужик, как карась, – никогда не знаешь, куда вильнет и где на дно ляжет!.. Так и у Гутиэры Клоповой. Был мужчинка – и пропал. А ведь он почти сделал предложение... В версию похищения Гутя не верила. А зря. Теперь бороться за любовь ей приходится единственным доступным способом – путем настоящего детективного расследования...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	68
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Маргарита Южина

Нервных просят утопиться

Глава 1

Сказка про белого качка

Вот уже сорок минут Гутиэра Власовна, миниатюрная женщина сознательного возраста, гордо и торжественно, словно знамя, носила по комнате траурно-печальное лицо, но ни легкомысленная дочь Варвара, ни беспутный зять Фома Неверов преступно не замечали ее скорби.

– Варвара! Варька!! Где у нас яд?! – не выдержали материнские нервы.

– Яд? А ты чего – мышей собралась травить? – отозвалась с кухни дочь.

– Как ты можешь думать о мышах, когда родная мать хочет покончить с жизнью?! – заскочила Гутиэра Власовна на кухню и в гневе свернула со стола пустую кастрюлю.

Падение последней вреда никому не нанесло, но добавило шума, звона и грохота. Получилось смело и вызывающе. Однако дочь не реагировала.

Мать взяла на две октавы выше:

– При чем здесь грызуны?! О чем ты вообще думаешь, ко-

гда вот-вот останешься сиротой?! Нет, ты не убирай кастрюлю, я ее снова уроню! Посмотри на мать!

Варька послушно подняла голову и уставилась на Гутиэру ясными голубыми глазами.

– Я собираюсь немедленно отравиться! Да! – сообщила Гутиэра Власовна, чувствуя себя немножечко Анной Карениной, Джульеттой, а заодно и Офелией.

Варька понимающе пожала плечами, дескать, не смею мешать такому серьезному родительскому намерению.

Гутиэра была раздавлена. Родственники преступно не обращали на матушку должного внимания. Гутиэра, в простонародье – Гутя, даже принципиально смахнула скупую, горючую слезу и втиснулась между холодильником и столом, чтобы дочь могла в последний раз насладиться портретом живой матери.

– И, умоляю тебя, не нужно меня уговаривать! – категорично заявила Гутя дочери. – Я уже все решила. Сейчас же, вон на том диване... Фома! Немедленно покинь диван, он мне ненадолго нужен! Да, вот на том самом диване я отправлюсь в свой последний путь. Где яд?!

– Мам, ну откуда у нас яд? – ворчала Варвара, не переставая месить тесто для пирогов. – Если сильно торопишься, Фому попросим в аптеку сбегать.

Гутиэра Власовна рухнула на стул, картинно уронила голову на запястье и на некоторое время задумалась.

– Да, – с надрывом произнесла Гутя. – Да, я сильно тороп-

люсь. Потому как не желаю больше существовать вместе со своей предательницей-сестрой под одними небесами! А уж тем более на одной жилплощади!

Предательница-сестра, перезрелая девица Аллочка, сорока с небольшим лет, жила с семьей Неверовых с тех самых пор, как прибыла в город из глухой деревни в поисках достойного супруга. Вечной невесте желалось прописаться к мужу в квартиру и сделаться потомственной горожанкой. Она жила у сестры уже больше года, но еще ни один горожанин не позарился на ее роскошные данные. Однако вернуться назад в глушь Аллочке и в голову не приходило, как, кстати, не приходило в голову и устроиться на работу.

– Я лучше погибну, но жить с Аллой на одних квадратных метрах не буду! И в разведку с ней не пойду, пусть и не просится даже! – кипятилась Гутиэра Власовна. – Варя, как думаешь, может, утопиться? Или с балкона прыгнуть? Я слышала, тоже чудесно помогает все проблемы решить. А! Вспомнила! Лучше застрелиться!

Варвара – девица с рыжей косой и дерзким нравом – уже привыкла к тому, что маменька любое плохое настроение встречает с петлей на шее. Самое главное – не перечить ей в эти торжественные минуты.

– Застрелиться? Точно, застрелиться лучше. Только в тир надо сходить, потренироваться, – здраво рассуждала дочь. – Фом! Ты с мамой в тир не сходишь?!

– Да ну на фиг! – отмахнулся тот с дивана. – Гутиэра Вла-

совна как пить дать промахнется, а я виноват буду!

– Вот, нашла себе муженька! И он туда же! Мало с меня Аллочка кровь пьет! – потрясла теща худым, как карандаш, пальцем и тут же приступила к наболевшему: – Нет, ты, Варь, только послушай! Значит, я как порядочная женщина познакомилась с приятным мужчиной... Варя! Страшно сказать – я даже позволила себе влюбиться! А она теперь его бесстыже уводит! Заигрывает с ним, сама ему свидания назначает!.. Ой! Варька! Я ж тебе не рассказала, как мы с ним познакомились!

– Ма-а-ам, ну ты рассказывала.

Матушка и в самом деле рассказывала уже не единожды про эту судьбоносную встречу, всякий раз придумывала какие-то новые, царапающие душу детали, и Варвара уже давно забыла, как все звучало первоначально. Однако новые версии ей слушать не хотелось – неромантическая выросла девушка. Gute же было обидно!

– Фома! Немедленно беги в аптеку! Даже родная дочь меня не желает слушать! – снова взвилась Гутиэра Власовна. – Я, Варенька, чтоб ты знала, даже завешание тебе уже написала. Большое такое получилось, а ты нос воротишь! Фома! Я же просила яду к вечеру! Сколько ж копать можно?! А ты, доченька, бери все: кота Матвея, наши «Жигули», квартиру...

– Мам, ну какая квартира, тут же еще и Аллочка прописана.

Действительно, коварную сестру Аллу Гутиэра Власовна необдуманно прописала у себя. И теперь та наверняка не захочет выписываться обратно в деревню. Ее можно выселить только замуж. А таких дураков нет, Гутя уже удостоверилась.

– Аллочка? Ах ты черт, какая неприятность... Это что же – я, значит, буду в какой-нибудь петле отравленная висеть, а она будет в моей квартире... – растерялась Гутя.

– ...с твоим мужчиной! – подзуживала дочь.

– Ага! Еще и с моим мужчиной! Фиг! – Женщина резво кинулась к зятю. – Фома!! Куда ты уже собрался?! Куда ты вскочил, я тебя спрашиваю, горе мое?!

– Гутиэра Власовна, я не вскочил, я только пряничек взять.

– Пряничек ему! Иди, ляг на диван и не смей подниматься! Варь, так я тебе не рассказала, как мы с тем господином-то познакомились! – уже блестела глазами Гутя и толкала дочь локтем.

Из-за толчков у Вари сыпалась мука и рвались пироги.

– Мам, ну ты уже рассказывала.

– Да, Гутиэра Власовна, – встрял зять. – Причем уже пятнадцать раз.

Зять всегда был просто жутко невоспитан! Все, что в голову придет, то и с языка сыплется! А при виде тещи ему в голову всегда приходили одни гадости.

– Так! Положи пряник, раз такое дело! И ключи от машины тоже, я сегодня не буду травиться!

С гордо поднятой головой Гутиэра направилась в гостиную, включила на полную мощность телевизор и уставилась на министра финансов Франции. Фома немедленно понял, как был не прав, скоренько убрал подальше ключи от машины и явился перед тещей с виноватым видом.

– Все-все. Молчу. Рассказывайте. А и чего, в самом деле? Уши у меня не покупные, можно и шестнадцатый раз послушать. Только позвольте, я музыку тихонечко включу? – пошел на попятную зять и на полную мощность врубил музыкальный центр.

Такая мелочь, как посторонние звуки, Гутю не смущали, и она закатила глазки к потолку.

Их знакомство было сказочно романтичным, и от воспоминания в животе становилось жарко, как в раскаленной духовке.

Два месяца назад, в знойный полдень, Гутя с Аллочкой плюхались в грязных водах городского пляжа. Пляж напоминал тарелку с гороховым супом – в мутном бульоне реки горошинами всплывали облизанные головы отдыхающих и блестящей ложкой сновала лодка красавцев-спасателей, которые мечтали спасти непременно мисс города.

– Аллочка, Алла! Ну ты же не кофемолка! Чего ты руками-то так молотишь?! – все больше раздражалась Гутиэра Власовна.

Она уже битый час пыталась научить младшую сестренку плавать по-собачьи. Сестрица весом девяносто восемь кило-

грамм возлежала на руках худенькой Гуты, с силой долбила по воде руками, но с рук не сдвигалась. При этом ноги ее пропеллером взлетали в воздух, а голова отчего-то уходила ко дну. Аллочка добросовестно хлебала ртом воду, таращи-ла глаза и тянула сестру ко дну.

– Гутя... пррр... ты по воде-то ходи! Фррр... Прогуливай-ся так, как будто я сама плаваю, ну никакого понятия... – отфыркивалась она. – Или присядь. Присядь лучше, с голо-вой... чтобы люди тебя не видели!

– Ага! С тобой присядешь! Не цеп... Не цепляйся! – виз-жала Гутя. – Вставай на ноги! Здесь же неглубоко... я гово-рю – не цеп...

– Девушка! Так вы ее никогда плавать не научите, – по-слышался рядом приятный мужской голос.

Голос принадлежал очень интересному мужчине. Во-пер-вых, это был уже далеко не юнец, а весьма сформировавший-ся человек, лет сорока пяти, во-вторых, при своем возрасте он как-то сумел избежать ожирения и даже имел достойный рост и накачанные мышцы! Облысение его тоже обошло сто-роной – короткие светлые волосы были аккуратно подстри-жены и даже пытались завиваться. А в-третьих... Господи! Да он просто обратил внимание не на какую-то молоденькую куклу, а на приятную, обаятельную Гутю. И даже назвал де-вушкой!

Гутю уже лет двадцать никто не осмеливался назвать де-вушкой, поэтому она даже отпустила руки, на которых изви-

валась родственница. Та, будто кит, рухнула на дно, тут же испуганно вскочила и снова стала карабкаться на несчастную Гутю.

– Вот! Я ж вам говорю! – усмехнулся высокий мужчина с влажными волосами. – Вы неправильно учите.

– А... А как надо? – оторопела Гутя.

– Ага... как надо-то? – немедленно активизировалась Аллочка и ногой принялась отбрыкивать сестру подальше от чудесного незнакомца. – Главное – не так! Вот взял бы сам, да научил.

Мужчина приветливо улыбнулся.

– Пожалуйста! Нет ничего проще. Давайте вашу руку. Ну! Не бойтесь! Смелее!

Аллочка и не боялась, она готова была ему не только руку дать, но и как на Гутю – взгромоздиться целиком. Однако ж воспитание, язви его...

– Идемте, идемте... так...

– Так здесь... здесь уже дна нет! – трубила на весь пляж Аллочка.

– Ну как же! Вам же до груди только. Ну а теперь...

В следующую секунду учитель-доброволец с силой толкнул доверчивую Аллу вперед. Та потеряла равновесие, замолотила всем, чем можно, надула щеки и... поплыла! Всего только два метра, но сама же!! Гутя не могла поверить своим глазам.

– Ко мне! Ко мне плывите! Сейчас уже дно! Вот... у вас

уже почти... Почти классический собачий стиль!.. – отходил к берегу мужчину и улыбался во весь рот. Однако, увидев озверевшее лицо ученицы, заволновался. – Чего это вы?!! Женщина!! Вы что хотите... куда метите?!!

– Собачий, значит?!! Это я, значит, сучка тебе, да?! Ты меня, значит, как Муму хотел, да?!! Убийца!! Герасим!! Бандеровец!! Геринг!! – обрела почву под ногами Аллочка. – Да я тебя, как комара!..

За эдакое надругательство она готова была стереть обидчика в пыль. Или в речной песок.

Рассерженная дамочка была подобна девятому валу. Она работала кулаками, как боксер-профессионал, и после парочки оплеух несчастный, охнув, плавно опустился в воду.

– Граждане! Граждане! В чем дело?! – кричали спасатели откуда-то с середины реки. – Господа отдыхающие, просьба не нарушать!! Не нарушать! Сказано вам!!

Возле сестер и поверженного мужчины уже стали собираться люди.

– Нет, вы посмотрите! Интеллигентный человек – и в таком непотребном виде! И ведь как только можно пить-то так, а?! Товарищ! Вы где пиво брали? Здесь? На берегу? По сколько?! Ну чего вы глазки закатали? Я спрашиваю – по сколько?!

– Да это он воды нахлебался! Надо его на берег!

– Граждане, я сам... со мной ничего...

– Нет уж, выходите, вот тут лежите... Женщина! Жен-

щина! Ну куда вы прете?!

– Расступитесь!! Я говорю – быстро все разошлись!! – буйволом ревела Аллочка и раскидывала зевак. – Пропустите к больному!! Ему нужно искусственное дыхание, дайте-ка...

– Да не нужно мне искусственное! У меня еще естественное не кончилось! – испуганно отбрыкивался потерпевший. – Граждане! Ну хоть кто-нибудь уберите эту маньячку!

Гутя металась между отдыхающими, пыталась прорваться к потерпевшему и буквально сгорала от стыда за сестру – Аллочка вела себя, как пьяный матрос, а вовсе не как воспитанная дама.

– Аллочка!! Алла!! Алисия! Да уйди же ты от несчастного! – тянула сестру от незнакомца Гутя. – Оставь, говорю, человека в покое!!

– Это не человек! Это мужик! Ему нужно искусственное! – пояснила Алла и рухнула всей тушей на грудь бедолаги.

Тот шустро извернулся, скинул даму, уткнулся лицом в колючие камни и решил держаться насмерть.

– Мне так неудобно... вас к жизни возвращать... – пыхтела Аллочка, пытаясь перевернуть жертву.

Мужчина же только глубже зарывался в камешки и дрыгал пятками. Аллочкин порыв милосердия просто невозможно было купировать.

– Да отпустите его!! – возмущенно кричали женщины в

возрасте. – Пряма вот, как будто она одна такая желающая, да? А мы как будто и не умеем дыхание восстанавливать, да?

– От это хватка!! – гоготала молодежь.

– Мужик, ты долго не продержишься, – сочувственно вздыхали мужчины.

– Аллочка, – шепнула на ухо сестре Гутя. – У тебя купальник разъехался.

Алла мгновенно села истуканом, облилась свекольным румянцем и тяжело вздохнула:

– Молодой человек, после всего, что между нами было, вы теперь не можете на мне не жениться.

– Ни! За! Что! – выскочил из камней мужчина. Отряхнулся и более спокойно добавил: – Но наше знакомство надо отметить.

Потом и вовсе нежно посмотрел на Гутю и проговорил:

– Вы ведь придете сегодня в ресторан «Улитка»?

– Пожалуй, я смогу уделить вам часик, но только, чур, расплачиваетесь вы! – тут же встряла Аллочка.

– Да... мы придем... – проблеяла Гутя и, точно девчонка, понеслась к своему полотенцу, высоко взбрыкивая ногами.

И вот уже два месяца Гутиэра чувствовала себя семнадцатилетней – бегала на свидания, вздыхала по ночам и даже парочку раз гадала себе на жениха – выкидывала старые Фомины кроссовки за окно.

Пляжный же кавалер был заботлив и внимателен. «Гутя,

сегодня похолодало, оденься теплее», – звонил он, и Гутиэра послушно натягивала рейтузы в тридцатиградусную жару. «Гутя, не выходи на улицу, сегодня магнитные бури», – и она терпеливо сидела возле пустой хлебницы. «Гутя, обязательно прочитай статью в последней газете! Там много интересного», – и Гутиэра прилежно клевала носом над жалобами футбольного тренера.

Романтичные отношения развивались бы еще чудесней, если б не сестра. Аллочка просто не давала дышать! Отчего-то придумала себе, что прекрасный мужчина – Севастьян Рожкин – именно ей предназначен небесами, и мешала Гутиэре с каждым днем все сильнее – то сообщит кавалеру по телефону, что Гутя убежала к новому хахалю, то соврет, что у сестры объявился муж. А в последний раз и вовсе – сочинила, что Гутя где-то заразилась проказой и теперь они всей семьей собирают ее в лепрозорий, в связи с чем просила одолжить несколько тысяч на дорогу!

Это уже была последняя капля. Вот почему Гутиэра решила напоить себя ядом.

– Она просто... просто вырывает у меня мужчину! С корнем! – жаловалась теперь Гутя дочери.

– Мамочка, ну ты же профессиональная сваха! – успокаивала сейчас матушку Варька. – Ну чего тебе – жалко? Отдай ты этого жениха Аллочке. Может, она к нему переберется, а у нас площадь освободится.

Гутя действительно зарабатывала на хлеб насущный сва-

товством, и у нее это замечательно получалось. Правда, ко-
стью в горле торчала Аллочка – ее никак не удавалось при-
строить. Однако и такими принцами, как Севастьян Рожкин,
Гутя тоже не собиралась раскидываться. Тем более что и в
ее семейном положении зияла брешь – Гутя до сих пор была
незамужней, разведенной женщиной.

И при такой ситуации коварная дочь еще смеет вспоми-
нать о какой-то жилплощади!

– Площадь?! К нему переберется?! – шурилась от гнева
Гутя. – А чувства?! А любовь?! Она куда переберется? Фо-
ма! Я же просила яд! Ну и что, что я сваха! Я ей другого
сосватаю! Нет, я, главное, всем мужей нахожу, от себя отры-
ваю, а...

– Гутиэра Власовна! Вас, – протянул Фома теще телефон-
ную трубку.

Гутя оборвала на полуслове свою речь и тут же преобрази-
лась – на губах расцвела приветливая улыбка, глаза призыв-
но заблестели, а локоны встряхнулись и улеглись в озорную
прическу. Ее работа свахи была напрямую связана с телефо-
ном, и подходить к аппарату в плохом настроении не позво-
ляла профессиональная этика. Клиенты не должны страдать.

В этот вечер звонили трое. Сначала Ирина Андреевна –
весьма капризная особа. Не успела появиться в каталоге,
а Гутя ей уже сосватала довольно приятного старичка. Но
Ирина никак не хочет осознать своего счастья, каждый раз
звонит и просит забрать его обратно. Потом звонил очень

интересный мужчина – Терентий Олегович, как он представился – коллекционер антиквариата. Ему тоже позарез хотелось создать семью, однако все дамы от него сбегали и объясняли бегство просто: от мужчины невозможно несло полойкой. Порадовала последняя клиентка – Светлана. У женщины благополучно складывались отношения с ее избранником, назревало бракосочетание, и за это в скором будущем Гуте светило немалое вознаграждение.

– Гутиэра Власовна! – щебетала в трубку Светлана. – Я что придумала! А давайте соберемся завтра у меня на даче! А чего? Вы мне такого замечательного Ромочку отыскивали! У нас скоро свадьба! Вот и отметим помолвку! Вы знаете, как я придумала – мы соберем всех наших! Ну тех, кто у вас там по каталогу! Пусть и они за меня порадуются, а заодно и воспрянут духом! Вы приедете?

– Я... понимаю...

– Да-да! Все понимаю! Вы не одна! Это еще и лучше! Приезжайте со своим мужем! – не давала вставить слова Светлана.

– Да у меня, собственно...

– Понимаю, понимаю! Приезжайте не со своим! Ну надо же нам его увидеть! Короче! Записывайте адрес!

Через минуту на столике перед Гутей лежал листочек с адресом.

– Ты чего записала? – появилась невесть откуда вредная сестрица Аллочка.

Гутиэра даже не заметила, когда она вернулась.

Гутя повернулась к сестре спиной – не ссориться же с Аллочкой при детях! Но та не унималась, она грызла огромный семенной огурец и строго хмурила реденькие брови:

– Что это ты листок перевернула? Никак свидание опять у тебя? Да еще и с моим Севастьяном небось?

– Д-да... у меня завтра свидание... с моим Севастьяном, – демонстративно потрянула кудрями Гутиэра и плотно захлопнула двери спальни.

На следующий день Гутиэра Власовна спозаранку унеслась по делам, а Аллочка, выпавшись вволю, протиснулась к сестре в комнату.

– С ее Севастьяном!.. И где же этот листочек? Куда она его... Ах, вот он!.. Так, в восемь вечера, на Сизом мосту, взять корзинку... Ага. А зачем корзинка? У них что – грибной сезон? – морщила лоб сестричка. – Ну и ладно, и корзинка. Мне она самой пригодится! А записку... записку я съем! Значит, в восемь, на Сизом мосту и с корзиной...

Ровно в семь Алла, накрасив глаза черным карандашом, густо намалевав щеки и навертев прическу «Артемон», уже качалась на высоких Варькиных каблуках с бельевой корзиной в руках в назначенном месте. Ни Севастьяна, ни Гути не наблюдалось. Редкие прохожие косились на одинокую даму, которая от скуки маршевым шагом мерила небольшой Си-

зый мостик.

— Готовятся, поди, — мстительно ухмылялась Аллочка. — Гутька как пить дать пудрится. Пусть пудрится, я ей еще вчера туда известки подсыпала.

Наверное, Аллочке все же стало стыдно своего низкого поступка, потому что она принялась яростно доказывать самой себе:

— Да?! А чего она моего Севастьяна прикарманила?! И вообще! Чего это ей одни подарки от судьбы, а мне только кукиши? Сегодня я все расскажу этому Севочке! Все! И никакая она ни Гутиэра!

Аллочка прикусила язык. Действительно, родная сестра Гутя с рождения прозывалась Августой. Это уж потом она, когда паспорт меняла, догадалась и имечко себе новое придумать — Гутиэра. А все папенька! Никак не хотел, чтобы дочки рождались, а матушка из больницы только девчонок и приносила. Отец дочерям даже имена не трудился выбирать — в каком месяце родились, так, стало быть, и прозываться будут. Но Гуте еще повезло — она в августе умудрилась родиться, а вот Аллочка и вовсе в феврале, так что изначально она — Февралина.

Нет, про имена она ничего говорить не станет. А вот про остальное!.. Гутька вообще совести никогда не имела! Пока ее четыре сестры скромно строили глазки местным трактористам, она умотала в город и выскочила замуж за городского Ваську. Даже Варьку вон родила. Конечно, сестры одна за

другой потянулись в гости. И как-то так получилось, что потихоньку Васька перешел к старшей сестре. Следующий Гутин муж – к средней, еще один супруг осчастливил следующую сестрицу, и только когда в город приехала Аллочка – Февралина, Гутя категорически завязала с замужеством. А ведь Аллочка визжала и ножками дрыгала, кричала: «Как им – так своих мужей приготовила, как мне – так сразу одиночкой жить собралась! Пока от тебя мужа не получу, не уеду!» И что?! Противная Гутя до сих пор замуж не вышла! Так что по всем законам теперешний ейный жених Севастьян по совести к Аллочке перейти должен.

– Фи, тоже мне – удивили! Я за такую корзину больше десятки не дам, – вдруг сообщил Аллочке небритый тип с жиденьким хвостиком на затылке.

Аллочка вздрогнула от неожиданности и смирila незнакомца презрительным взглядом. Рыбы бесцветные глаза, реденькие волосики, собранные в кичливую косицу, беле-ые длинные усы, темная стариковская рубашка в клеточку и штаны с пузырями на коленках. Джентльмен не самой высшей категории.

– Да у вас и нет ее – десятки-то, – скривилась Аллочка. – И вообще! С чего вы придумали, что я вам ее продам?! Я здесь не торговка какая-нибудь, просто гуляю себе! А корзина... Она у меня так... для стилия. Что вы делаете?! Хам!!

Мужчина не слушал Аллочку, а бесцеремонно вертел в руках хозяйственный предмет.

– Кстати, это и не старина, это... ну ей всего-то лет сорок.

– Какие сорок! Мне ее матушка только год назад сунула, когда я в город перебиралась! Сорок лет! – захлебнулась негодованием Аллочка.

– Вот и я говорю! Нет, больших денег она не стоит, ну если за пятерку... А чего вы мне тогда мозги пудрите, не понимаю! Меня, кстати, Терентий Олегович зовут.

– А меня...

– Нет, я не возьму дорого. Слушайте, где вы ее взяли?! На старом чердаке?

Мужчина к тому же был не совсем воспитан. Теперь он нахально разглядывал и корзину, и ее хозяйку, и морщился все сильнее.

– Это мое наследство, наглец! На чердаке! Мне ее матушка... вместо иконки... И чего прицепились?! Я здесь мужчину жду! – вздернула подбородок Аллочка. – Главное, не знает, как с дамой познакомиться, так какие-то чердаки выдумал! Зачем нам чердаки? Что мы вам – крысы какие?

– Алла Власовна! Короче, я вам даю пять рублей, и мы с вами расходимся, – устало пробормотал тип и выдернул корзину из рук оторопевшей дамы. – Кстати! А вот ваше платье я бы купил! Совершенно дикая вещица. В каком веке его шили?

Платье сегодня действительно портило все. Аллочка никак не могла найти что-нибудь новенькое, пришлось доставать мамино, кримпленовое, с яркими красными гладиолу-

сами по черному полю. Да, оно было немножечко не новое, но уж никак не дикое!

– Хам какой! Его в прошлом веке, в двадцатом... Постоите... а... а откуда вы меня знаете? – вдруг оторопела Аллочка.

Мужчина неприлично фыркнул, посмотрел на часы и нахмурился.

– Да ниоткуда я вас не знаю. Просто мне сказала Гутиэра Власовна, что вы придете продавать антикварную корзину. Но это не антиквариат. Вот ваши пять рублей и... Ну что вы стоите?! Вы платье снимать будете? Я за него могу тридцатник отвалить, снимайте.

– Мушщина!! Держите же себя в руках! – принялась кокетничать Аллочка. – Прямо как увидят интересную женщину, так им прямо сразу и корзину, и платье подавай... Ой, молодой человек, чем это от вас прет так? Прямо вот вы подошли, и на меня родиной пахнуло – так и вижу: деревню, сарай, а в нем любимого батюшкиного Крестина. Не примите на свой счет, это у нас борова так звали.

– Так вы, что ли, из деревни? А Гутиэра Власовна говорили, что в городе обитаете, – растерялся мужчина. – Странно... Но корзину я у вас беру, и все. И до свидания. Я тороплюсь, а вы у меня столько времени отняли.

Неприятный тип сунул Аллочке в руку пятерку и поковылял к остановке.

– Ничего не понимаю... а... Эй!! А сама Гутиэра Власовна

где?!

– Как где?! У них же вечеринка!!

Пока Аллочка приходила в себя от возмущения, странный Терентий Олегович вспрыгнул в автобус.

– Ну... Ну сестренка... ну ты у меня сегодня попляшешь...

Сестренка и в самом деле плясала. Вечеринка у Светланы задалась на славу. Даже замухрышистый, вечно злобный Ромочка – избранник Светланы, не мог испортить гостям настроение, как ни старался. Дача у Светланы находилась на самом краю крохотной деревушки Пластуново. С трех сторон ее окружал лес, и громадные сосны высились прямо на ухоженном участке. В уши лез щебет птиц, в нос ударял хвойный запах, но гостям любоваться красотами было недосуг. Все заявили со своими мужьями-женами, а то и просто знакомыми, поэтому народу набралось много, все шумели, хохотали и были заняты исключительно собой. Впрочем, Гутя тоже не слишком любовалась облаками и ромашками, она даже не видела, кто приехал, а кто их веселье проигнорировал, так ей было расчудесно. А все оттого, что рядом лучился улыбкой Севастьян. Сегодня он оказался на высоте. Он единственный, кто догадался подарить молодым подарок. Да еще и не какой-нибудь, для галочки, а прямо-таки царский. В самой середине застолья Сева вдруг поднялся и хитро сообщил:

– А у меня сюрприз! Всем сидеть на местах! – и исчез.

– Сейчас налоговое удостоверение принесет и спросит, на какие доходы такая пьянка... – заелозил на стуле Ромочка. – А у меня, между прочим, инфаркт был!

– Нет-нет! Он подарит даме цветы! – щебетала Светлана.

– Госсydi! Уж лучше б деньгами...

– Опля! А вот и карета для принцессы! – появился на дорожке Севастьян, толкая перед собой детскую коляску сказочной красоты. – Вот, молодожен, теперь не отвертишься! В коляску надо новенького ребенка положить!

«Молодожен» Ромочка, который месяц назад отметил пятидесятилетие, не на шутку струхнул.

– Слышь-ка... а чегой-то ребенка новенького обязательно? У нас и старенькие еще не прохудились. Вон Пашке... Светка!! Пашке твоему скоко лет? Он в коляску не влезет? И вообще – чего это за сувениры?

Ромочка до самого последнего момента думал, что пирушка затевается по поводу прошедшего дня рождения Светланы, к помолвке душевно не подготовился и вел себя нервно. Однако остальные коляску встретили «на ура». Уже никто не слушал, что там ворчал Ромочка, никто не смотрел, как он вместо коньяка рюмочками хлещет корвалол, все дружно скакали, хватались за бокалы и дико радовались любому новому тосту.

– Гутя... – вдруг придвинулся Севастьян к самому Гутиному плечу, – Гутиэра, я тебе давно хотел сказать...

Где-то раздавались пьяные крики, гулянка ревела на всю деревушку. Гутя же ничего не слышала. Она прикрыла глаза и приготовилась к самому главному.

– Слушай, ну что такое, а? – раздосадованно скривился Севастьян. – Как только у меня назревает ответственный момент, так я срочно кому-то нужен!.. Сейчас!! Кто там зовет?! Гутя, посиди здесь. Я сейчас.

Севастьян куда-то унесся, а Гутя нервно улыбнулась. Ой, ну и смешные эти мужики. Можно подумать, она не знает, что он хочет ей сообщить!

Гутя уже представляла, какими словами Севастьян будет признаваться ей в любви, а в мозгу сам по себе работал калькулятор – во сколько может обойтись такое застолье, как у Светланы? Как знать, может, и ей придется скоро отмечать помолвку. Нет, она не будет, конечно, собирать всех своих клиентов... Хотя почему бы и нет, вон какие все славные!

Севастьян все не приходил. Через полчаса Гутя стала его искать среди гостей, а уже через час встревожилась не на шутку – яркого, веселого красавца Севастьяна никто не видел. Его никто не звал, и никто не мог сообразить – куда мужчине приспичило удалиться.

– Гутиэра Власовна, а может, он домой смотался? – предположила Ниночка Смирнова. – Как он у вас выглядит-то? Я даже рассмотреть не успела!

– Нормально он выглядит, я рассмотрела. А домой?.. На чем ему мотаться? Машина же здесь! – пыталась успокоить

Светлана. – Нет, Гутиэрочка, он просто заблудился в моих комнатах и задремал.

– Задремал! Что он, старик какой? – ворчала Ниночка. – Тоже мне спящая царевна! Удрал он! Вот попомните мое слово – удрал. От меня знаете сколько мужиков удирало!

Ниночка всегда казалась Гуте странной и неприятной. Она как будто нарочно злила подруг, поэтому те у нее долго не задерживались, и Ниночке приходилось искать новых. Другое дело – Светлана, теплый и милый человек.

– А я считаю, что он здесь! Зачем ему на ногах скакать, если можно на машине! – упрямо не давала расстраиваться она.

Гости снова сплотились за столом и опять подняли рюмки, теперь уже за удачное возвращение беглеца. Вскоре за возвращение Севастьяна было выпито столько, что тот должен был вернуться буквально через секунду и не иначе, как на личном самолете. Но в этот вечер его больше никто не видел.

Не было его и утром. Однако после завтрака зазвонил дачный телефон. Светлана кинулась к аппарату, но Гутя ее опередила.

– Алло, простите, я говорю со Светланой? Мне нужна хозяйка, – заговорила трубка необыкновенно приятным женским голосом.

– Да-да, это я, говорите! – не задумываясь, лгала Гутя.

– Светлана, я секретарь Севастьяна Ефимовича. Он про-

сил перегнать его машину на стоянку возле ДК Труда.

– Он просил... а где он сам? Он на работе?

– Конечно! Наша фирма в эти выходные получила металл, поэтому работает. А Севастьян Ефимович никогда не отсиживается дома.

– А... А почему он сам не позвонил?

– Потому что сейчас у него планерка, а потом он принимает металл, я же объяснила. Вы уж перегоните, пожалуйста, он обещал оплатить расходы. Извините за беспокойство.

Трубка отключилась, а раздавленная Гутя все никак не могла разжать пальцы. Значит, права Ниночка Смирнова – ее кавалер просто предательски сбежал! И верить в это было стыдно и больно.

Дома про неудачную вечеринку Гутиэра решила не рассказывать. Она честно пыталась загрузить себя домашними заботами и работой – теребила альбом с застаревшими женухами, просмотрела переписку, даже сделала маникюр. И может быть, ей удалось бы отвлечься, если бы не сестрица.

– Какой позор, моя сестра не ночевала дома! – уже который час воздевала она пухлые руки к потолку. – Какой срам! Подними глаза, беспутная Гутиэра! В глаза смотреть!

– Да отстала бы ты, Аллочка, – отмахивалась Гутя.

– Я бы, может быть, и отстала! Но... Какое пятно на мою репутацию! Кто теперь меня возьмет в невесты с эдаким клеймом?

– Тебя и до этого не больно-то брали.

Отвязаться от сестры было невозможно. Алла мстила за корзину, за квелого мужичка с косицей и вообще – за ее несложившийся роман с Севастьяном.

– Вот! А теперь и подавно не позарятся! Матвей! Матюша! – тащила Аллочка заспанного кота к сестре. – Смотри, Матюша! Правда, твоя хозяйка похожа на ту кошку с первого этажа? Хоть бы кота постыдилась! Отвечай! С кем ты провела эту ночь?!

На Гутю навалилась страшная усталость, и даже ругаться было лень. Зато сестра бурлила нерастраченными силами.

– Аллочка, там телефон звонит.

– Ты меня больше не обманешь! Довольно и того, что ты натравила на целомудренную девицу этого усатого таракана!

– Я не травила тараканов, ты что-то путаешь.

– Я путаю?! А кто у меня корзинку спер?! Этот таракан – твой клиент! А то ты не знаешь, что корзина – это все, что у меня осталось от родительского дома! – со слезами взывала Аллочка. – А он ее упер! И только пятак на память оставил! Нет, ты уж будь добра, ответь...

Так продолжалось до самого вечера, правда, с короткими перерывами на обед. От этого ворчания у Гути так разболелась голова, что она в девять часов уже улеглась.

Улеглась, но уснуть сразу не получалось. То она видела себя в прекрасном светлом платье, на пороге их районного загса, под руку с улыбающимся Севастьяном. И тогда искала самые фантастичные оправдания для своего сбежавшего

жениха. То на нее накатывала обида, и она принципиально представляла себя у загса под руку совсем с другим господином. То она и вовсе приказывала себе забыть о загсе, а пыталась нарисовать себе врата женского монастыря. Утешения ничего не приносило. Гутиэра так и уснула с нахмуренными бровями.

Утро наступило серым и безрадостным, впрочем, такой же серой была почти вся неделя. Аллочка продолжала дуться, Варвара прилежно убегала на работу, а Фома добросовестно лечил больных. И Гутя стала понемногу втягиваться в работу – ничего яркого в своей жизни уже не ожидая. Но вот в конце недели произошли события, которые надолго выбили семью Неверовых из обычной колеи.

Утро пятницы началось со звонков. Наступали выходные, и клиенты Гутиэры Власовны снова кинулись в бой за семейное счастье.

– Гутиэра Власовна! Вы кого мне подсунули?! – возмущенно верещала Ирина Андреевна, самая строптивая клиентка. – Мой напарник, оказывается, собирается ехать за границу лечить почки!

– Ну... во-первых, не напарник, а почти супруг, а во-вторых... А что вам, собственно, не нравится? Пусть лечится, – пыталась успокоить капризную дамочку Гутиэра.

– Вот не надо только надо мной издеваться, да? Он же подавал надежды на скорую, тихую кончину! А теперь разбазаривает наши деньги! Да какие наши, почти мои!!

Гутя еще не успела ответить, как к ней подскочила Аллочка, вырвала из рук трубку и брякнула ее на рычаг.

– Все бы только языком болтала... К тебе пришли.

В прихожей топталась растерянная Светлана.

– Гутиэра Власовна... Вы знаете, мне сегодня соседка по даче позвонила. Там, кажется, Севастьяна нашли... – пролепетала она.

– Что значит нашли? – обиженно дернулась Гутя. – Он же на работе. Я не понимаю, его что – потеряли?

Светлана только пожимала плечиками и разводила ухаженными руками:

– Я сама ничего не знаю. Там нашли какого-то мужчину в лесу, соседка вспомнила, что у меня гулянка была в выходные и мы одного гостя... грубо говоря, не досчитались... вот и позвонила. По всем приметам это ваш Севастьян получается. Он у них в медпункте лежит, просили приехать, а я... Мне одной страшно, а Ромочка не хочет.

Пока Гутиэра переваривала информацию, Аллочка уже теребила ее за подол.

– Ты, Гутя, занимайся домашними делами, ты, кажется, огурцы собиралась солить, а я съезжу. Деньги дай на дорогу, – тараторила она, натягивая джинсы.

– Ну уж дудки! – встрепелась Гутя. – Это ты сейчас будешь сидеть с огурцами, а мне надо ехать! Светлана, вы на машине?

– Нет, я на автобусе.

– Сейчас на машине поедem. Только зятю позвоню.

Зять Гути Фома Неверов работал в частной клинике и считался знающим доктором, поэтому и его не грех было захватить. Гутя набрала номер клиники и уже через секунду диктовала:

– Фома! Немедленно садись в машину и возвращайся домой... А я говорю – возвращайся! Если там погибнет человек, виноват будешь только ты!

– Гутя, Гутя, напомни ему, что вот я один раз палец прищемила, он тоже на работе был, у меня потом ноготь погиб! – шипела под ухо Аллочка.

Но Гутя больше ничего не напоминала, а попросту бросила трубку.

Очень скоро они уже мчались по проселочной дороге.

– Странно все-таки... Всю неделю ни слуху ни духу, а только в пятницу... – ломала голову Гутиэра. – Нет, это не Севастьян, с чего бы ему в лесу неделю валяться? Он бы позвонил, у него же сотовый!

– Позвонил бы он ей... – бурчала Аллочка. – Это он специально от тебя в лес удрал! Эх, меня там не было...

Ее не хотели брать, но она все равно втиснулась в машину и теперь старательно отравляла жизнь сестре.

– А все потому, что меня к какому-то хмырю отправила, а сама веселиться отправилась... – продолжала бубнить Алла, видя, что сестра совершенно не реагирует. – Уж я бы с Севастьяна глаз не спустила, будь уверена!

– Поэтому и отправили к хмырю! И вообще – смотри на дорогу! Будешь себя так вести, обратно пешком пойдешь! – оборвала сестрицу Гутиэра.

Сестрица ненадолго замолчала, но все же решила провести воспитательный процесс до конца.

– Се-е-е-вочка-а-а... – вдруг заблеяла она и стала утирать подолом щедрые слезы. – Не уберегли тебя-я-я, под елками бросили-и-и...

– Хватит голосить. Вот сейчас врежусь в какую-нибудь осину! – не выдержал Фома. – И вообще – если это розыгрыш!..

– Вот чует мое сердце – это розыгрыш и есть! Не Сева это, – ухватила за соломинку Гутя и поежилась. Ее сердце как раз чуяло обратное.

Медпункт деревушки, где разместили больного, нашли не сразу. Это был вовсе даже и не медпункт, а изба одной из деревенских жительниц.

– Входите, входите, токо ноги оботрите... – приветствовала городских гостей хозяйка избы. – Туточки он. Вон, видали, как барин на перинах-то нежится.

На кровати действительно лежал Севастьян. Правда, его оказалось трудно узнать – все лицо было одним черным синяком. На веках, скулах и руках запеклась кровь, и все тело неровно вздувалось от грязных ран.

Сева лежал в самой большой комнате, утопая в здоровенных подушках, правда, постельного белья на матрасе не бы-

ло. Рядом стояла колченогая табуретка с какими-то склянками.

– Видали, я за им, как за дитем малым, хожу. Соседка моя, Валька, советовала его в больницу городску отправить, а я воспротивилась. Чего там мужуку делать? Да и разве кто там буит за им так-то ходить? А я ить и молочко ему парно даю, и сметанку... Я тут давеча подсчитала, так ить на три тыщци он у меня належал-то! – не умолкала хозяйюшка.

Гутя кинулась было к кровати, но зять пригвоздил ее к месту.

– Всем стоять, где стоите! Только попробуйте сдвинуться! Не вздумайте мне мешать.

– Гутя... Гуть, – недовольно зашипела Аллочка. – Че это он разорался на тебя, а? Ты его сегодня ужином не корми, надо воспитывать уваж...

– Цыть, я сказал!!

Фома при виде больного преобразился – нахмурил лоб, ухватил бедолагу за руку и замер.

– На сколько, вы говорите, он у вас сметанки наел? – вдруг спросил Фома у старушки.

– Так ить... подсчитала я... Три... полторы тыщци выходит, – принялась теревить платок бабуса. – А в больницу я не отпустила, загробили б...

Фома еле скрывал раздражение, положение больного было отвратительным.

– Зря. Вы его сами чуть не загробили, с такими ранами

ему нужна срочная, квалифицированная медицина. Когда его нашли?

Старушка струхнула. Ну да, хотелось ей вытянуть за больного деньжат, но она ж не думала, что тому так худо!

– Кода? – переспросила она и охотно затараторила: – Так ить это... Ночью. В аккурат со вторника на среду. Малаиха ко мне притащила. Да ить эта Малаиха така чудна! С ейным мужуком...

– Так, дамочки, – невежливо перебил Фома. – Сейчас мы этого барина осторожно переместим в машину, а вам места нет. За вами... За вами я уж потом вернусь, боюсь, не довезу больного.

– Да и не надо за нами, мы сами, мы пешочком, – затараторила Гутя и засуетилась возле кровати.

– Ниче себе, пешочком, – пробубнила Аллочка, но к кровати тоже подошла.

Гутя не слышала, чем там снова недовольна сестра. Она порхала возле больного, подбегала с разных сторон, хваталась за щеки и даже тихонько подвывала. И все же ее страданий любимый не слышал. И не видел. Зато он неожиданно открыл глаза, уставился на Аллу Власовну и четко проговорил разбитыми губами:

– Алла... собака... сссука...

– Уйди от него немедленно! Видишь, ему от тебя плохо! Надо же – больной, а ведь тебя насквозь видит! – вскинулась на сестрицу Гутя. – Сейчас, сейчас, Севочка, сейчас...

– «Сецяс, сецяс»! – обиженно скривилась Аллочка.

Фома вместе с женщинами осторожно ухватились за матрас и попытались стянуть больного с кровати.

– Люди добрыя! Да что ж такое деится?! – вдруг заголосила хозяйюшка. – Куды ж вы яго тянете?! Это я что же – бесплатно того бугая три дни кормила, поила, лелеяла?

– Два получается, я подсчитала, – поправила Аллочка. – Не кричите, женщина, тут же больной!

Но женщине было глубоко плевать на больного – утекали деньги. А она уже и придумала, куда их потратить! Поэтому горлом хозяйка работала на совесть:

– И чего ж, что два дня?! Я ж ить вам по совести сказала – три тышши он стоит! Даже ишо скидку сделала – песьт процентов! А они задарма упереть хотят!

– Бабка... уйди от греха... – кряхтел Фома. – Сейчас точно милицию вызову.

– Да зови ты кого хошь! Милицию! Да в нашем районе ты ее фиг когда дозовесси! А я кликну вон соседского Кирьку, так он тебя мигом с энтим инвалидом рядом укладет! Тода точно меньше трех тыщ не возьму! – кипятилась бабуся.

Бабушка кинулась на дверь и раскорячилась крестом – теперь сдвинуть ее можно было только с косяком.

– Бабушка, ну что вы беспокоитесь, в самом деле? Вы же слышали – сейчас больного увезти надо, а мы здесь останемся, вот и решим все наши финансовые вопросы, – уговаривала хозяйку Светлана.

– Слышь, тетенька, – повернулся Фома. – Если он у меня в машине помрет, ты точно по всем инстанциям пройдешься, так что лучше отойди.

Старушка решила, что лучше и в самом деле не мешаться, отошла к печке, ухватилась за веник и принялась демонстративно мести половицы, стараясь побольше пыли поднять на кряхтящую группу.

С большим трудом переместили Севастьяна в «Жигули», и Фома прыгнул за руль.

– Гутиэра Власовна, не знаю, когда смогу за вами... Вы уж сами, если что...

Женщины стояли на деревенской улице и с тоской поглядывали на старенький автомобиль.

– Езжай уже, мы на такси доберемся, – махнула пухлой ручкой Аллочка.

Фома уехал.

– На такси, это ты хорошо придумала, – дрожащим голосом похвалила Гутя. – А деньги взяла?

– Откуда? Я их рисую, что ли? – возмутилась сестра.

– Ах, и точно, ты их даже зарабатывать не умеешь.

Аллочка возмущенно выкатила глаза, сжала губки куриной попкой, но ответить было нечего.

– Девочки, не ссорьтесь, у меня есть деньги, – примирила сестер Светлана.

– Есть деньги, вот и доставай! Три тыщи! – снова возникла возле них бабуса.

– Договаривались на полторы же... – растерялась Светлана.

– Я сама своему слову хозяйка! Хочу – скажу три, а хочу – вовсе пять заломлю, с меня станется.

Пока Светлана с Гутей недоуменно переглядывались, Аллочка изменилась в лице, выгнула грудь бугром, сложила руки кренделем и заговорила сердитым басом:

– Гражданочка! А пройдемте-ка в ваш коттедж для подробного допроса. Следствие жутко подозревает, что вы причастны к убийству гражданина Севастьяна... Гутя, как фамилия потерпевшего?

– Рожкин! – охотно подыграла та. – Севастьян Романович Рожкин.

Аллочка еще больше напыжилась. От такого ее представительного вида старушка не на шутку струхнула, подобрала подол и тихонько потрусила к дому, от греха подальше. Но зычный бас пригвоздил ее к месту.

– Куда эт вы?! – куражилась Алла Власовна. – Нет уж, стойте! Следствие подозревает вас в убийстве гражданина Рожкина!

– Ал, ты чего это? Он же не убит еще! – покрутила пальцем у виска Гутя.

Сестра не смутилась, она уже основательно вжилась в роль, а Гутя ей только палки в колеса вставляла.

– Ничего. Твой зятек его по дороге так растрясет, что мужик не доживет. Это я тебе как специалист намекаю. Так

что... Пройдемте, гражданочка, чего рот-то раззявили? Сейчас вы нам подробно расскажете, за что вы силком затащили к себе мужчину, а затем избили потерпевшего до мозготрясения?

– До сотрясения мозга, – шепотом подсказала Гутя.

– Неважно. Так за что же? Вы его домогались? Вы выбивали из него деньги? У вас организована группа рэкетиоров?

Старушка беспокойно бегала глазами от Аллочки к Гуте и обратно. Потом тихонько обратилась к спокойной Светлане:

– Слышь, доча, а чегой-то они тута ругаются? Денег платить не хочут?

– Вы, гражданочка, не отвлекайтесь! – рыкнула Аллочка. – Лучше говорите, где проживает эта... как же ее...

– Малаиха? Так она тута проживает. Позвать ее, што ль?

– Да. Было бы недурно. Пригласите сюда гражданку Малаиху, – вовсю кривлялась Аллочка.

– Гутиэра Власовна, а зачем сюда? Давайте ко мне на дачу пройдем, там и поговорим спокойно, и сами немного успокоимся. У меня замечательный кофе есть, – предложила Светлана.

Не согласиться с ней было трудно, и женщины направились к даче. Бабуська же резво припустила за соседкой.

Не успели дамы налить себе по чашечке, а уже в дверях толпилось человек пять местных жительниц.

– Проходите, усаживайтесь, – пригласила Светлана и заново включила кофеварку.

– Ну, рассказывайте, где и при каких обстоятельствах вы обнаружили мужчину? – приступила к беседе Аллочка, едва каждая из приглашенных дам получила по чашке с горячим кофе.

Кофе деревенские дамы не жаловали и теперь послушно держали в руках чашки, боясь расплескать.

– Так ить... при каких... Я вам сейчас и обскажу, – начала пышная женщина в цветастом переднике. – Я ить и сама узнала токо севодни. Прибегат ко мне Антипишна и голосит, будто у ей в боку клещ застрял. Орет: «Малаиха из лесу мужука притащила, а Маруська Коза...»

– Маруська Коза – это я, стало быть, – почтенно пояснила уже знакомая хозяйка больничной избы.

Горожанки кивнули, и женщина, захлебываясь словами, продолжала:

– Ну! Значица, что Маруська Коза, мол, к себе мужука перетянула, никак опять деньги трясти начнет, а мы с тобой, дескать, дуры, опять заработок упустили. Это она меня душой-то.

– Подождите, а вы не Малаиха разве? – сообразила Гутя.

– Нет же, вот она, Малаиха. Так я и говорю...

Женщина махнула рукой куда-то в угол. Там в кресле тихо сидела еще одна гостья, в светленьком платке и серой самовязаной кофте.

– Простите, нам бы хотелось сначала с Малаихой, – проговорила Гутя.

– Да куды она денется! Так и вот, а я, значица, тесто забросила...

– Нет, вы уж простите, но нам все же Малаиху надо, – артачилась Гутя.

– Так я вам за ее сама все обскажу, она у нас немтырь немтырем! – упиралась говорунья.

– Как это немтырь?! Немая?

– Да не, она просто говорить не любит. Так вот, значица, и слушайте...

– Светлана! – поднялась Гутя. – Если вам нетрудно, организуйте женщинам экскурсию по даче, с дальнейшим вашим нежным прощанием.

Светлана закивала головой, и стайка дам в платках потянулась к выходу.

– А вас, гражданка Малаиха, я попрошу задержаться, – бросалась казенными фразами Аллочка.

Малаиха, молчаливая худенькая женщина, вжалась в кресло и судорожно вцепилась руками в подлокотники.

– Расскажите, как вы обнаружили потерпевшего.

– Так ить как... Глаза ж есть, чего не обнаружить, – как могла объяснила женщина и снова замолчала, уткнувшись взглядом в пол.

Аллочка вышагивала по комнате, закинув руки за спину. Время от времени она неожиданно поворачивалась, подскакивала к допрашиваемой и делала страшные глаза. По ее мнению, такой метод допроса не оставлял свидетелям шан-

сов для вранья. Однако Малаиха от такого новшества только припадочно дергала руками и ногами, сутулилась и все медленнее ворочала языком.

– Где это произошло, когда, при каких обстоятельствах? – наседала Аллочка.

– Да какие там обстоятельства – нашла, да и все, – шелестела свидетельница, проклиная все на свете.

– Нет, ну так невозможно. Вы как-нибудь отвечайте, это же важно! – теряла терпение Аллочка.

Она подлетела к столу, налила новую чашку кофе и сурово пододвинула Малаихе. Та от такого внимания и вовсе съежилась, а чашечку осторожно подтолкнула обратно – кофе она отродясь не брала в рот, а напористость горожан ее пугала все сильнее.

– А можно, я лучше корову пойду доить, а? – попросилась вдруг опрашиваемая. – А еще у меня через полчаса Фельшера кормить надо.

– Нет, ты слышала, Аллочка?! У них в деревне, оказывается, фельдшер имеется! А больного Рожкина определили к какой-то бабусе! – всплеснула руками Гутя, схватила чашечку и опрокинула в себя.

– Не, у меня страуса Фельшером зовут, – вдруг разулыбалась женщина. – Он ить как есть захочет, так тебя достанет, что будь ты уже мертвый весь, а все одно – подскочишь и ему жрачки дашь. Вот муж его Фельшером и прозвал.

– Понятно. Страусами, значит, увлекаетесь... – посерьез-

нела Аллочка.

Она хотела еще добавить, что народ пошел несознательный, вот страусов лелеют, а несчастного мужчину... Но Малаиха вдруг заговорила:

– Ежели б не страус, вашего-то больного и сейчас бы не обнаружили!

Как только речь пошла о любимой птице, у женщины самым волшебным образом развязался язык. Из ее рассказа стало ясно, что это заморское чудо привез из города сын. Страус, как сказал сынок, очень выгодная птица, и если он будет себя хорошо вести, то к осени ему раздобудут подружку. Малаиха, Анна Артемьевна Малаева со своим мужем Егором не слишком понимали, чем уж так хорош страус и какая от него невообразимая польза, однако птицу берегли, ухаживали за ней, а муж и вовсе – полюбил его пуще цепного пса Рявки. Каждый вечер после дойки Егор выгонял жену прогуливать диковинную птицу на луга.

– Ты баба темная, не ведаешь, чего ему надо. Загнется на фиг, а мне потом горе такое! Сходи, прогуляй птенчика, пусть он сам себе травку выберет.

Анна Артемьевна не больно любила такие вечерние променады. Куда приятнее было бы ей плюхнуться в перинки, да и забыться, тем более что у птички оказался серьезный характер – ходить на веревке он не желал, а добровольно рядом с хозяйкой гулять категорически отказывался. Стоило снять с его шеи веревку, как он пускался в бег. А уж как

страусы бегают, Анна узнала не понаслышке.

– Не буду с этим Фельшером гулять! Хошь – сам его выводи! – заявила однажды супруга Егору. – Вон, бери на веревку и шагай.

– Ага! Это чтоб вся деревня утром веселилась, как я с петухом заморским гуляю! Иди, говорю!

Так у супругов впервые назрел скандал. Потом, правда, страсти поутихли. В конце концов Фельдшер если и убегал, наутро обязательно возвращался.

– Слышь-ка, Ань, негоже больше нашу птицу одну выпускать, – заявил как-то Егор, задумчиво пережевывая картошку. – Тут городских понаехало – сопрут, я их знаю.

– И чего? – не поняла супруга.

– Надо тебе опять его на лужок... того, вывести.

– Вон твой Фельшер, вон лужок, гуляй, не держу. Хошь, под ручку его води, хошь, за шею тягай, а больше с им не пойду, – рассердилась Анна, бросила полотенце и удалилась в комнату.

– Будешь, будешь, – усмехнулся в усы Егор.

В тот же вечер калитка загона, где обитала дивная птица, загадочным образом оказалась открытой. Фельдшер не заставил себя уговаривать – вздернул повыше шею и унесся на вольные луга, растопылив крылья.

– Ань!! Ты, што ль, калитку не закрыла?! – ворвался в избу грозный Егор. – Беги теперь, кричи его!!

И Анна побежала – спорить с Егорушкой себе дороже.

Вот так и получалось, что раза три в неделю калитка непонятным образом всегда оказывалась открытой, а Анна носилась по окрестным лугам и лесам и голосила во все горло:

– Тега-тега-тега!! Тега, язви тебя!! Фельшер, паскуда! Поймаю – весь хвост по волосине выдеру!!

А во вторник... да, во вторник вечером Егорушка пришел домой слегка навеселе, выкушал еще стопочку за ужином и уснул с оглушительным храпом. Однако успел заметить супружнице, что «калитка, ядрена вошь, опять нараспашку!».

Анна даже спорить не стала – дождалась, пока хмельной муженек заснет, а сама с чистым сердцем уселась к телевизору. За ним и задремала. Разбудил ее дикий вопль:

– Анна!!! Росомаха, язви тебя в коленку!!! Где птиц?!! Фельшера вчера сыскала?!! Глянь – ужо утро синее, а наше-го павлина еще дома нет!! Кто его выпустил?!! Витька придет, страусиху привезет, а что мы ему скажем?!! Ты знаешь, сколь денег он за этого страуса отслонявил?!! Не знаешь?! Тогда быстро одевайся и беги за птицей!!

Несчастной женщине ничего не оставалось, как одеться и бежать кричать питомца.

Утро было раннее, еще и не рассвело как следует, так только чуть посинела небесная гладь да стали четче вырисовываться окна на домах. Но Анна никого не боялась – сюда к ним редко чужих заносит. Она тряслась по сырой траве и привычно звала:

– Тега-тега-тега-тега!! Тега, холера тя задери!! Иди, хле-

бушка дам, чтоб ты волки уперли! Фельшер!! Фельшер!!
Поймаю – суп куриный из ты изготовлю, вот ей-богу!

В лесу, недалеко от реки, ей послышалась какая-то возня. «Несется, голубчик», – подумала Анна и стала тихонько продвигаться навстречу. То, что она увидела...

– Вы знаете, я никому не говорила – не поверят, – понизила голос до шепота Малаиха. – А вам нужно рассказывать?

– Нам все нужно, – мотнула головой Аллочка и придвинулась ближе.

Гутя тоже склонила голову чуть не до самого носа рассказчицы.

– Так и вот, – продолжала Малаиха. – Вижу, возле куста какая-то куча ворочается. Я грешным делом подумала, что это собаки мово Фельшера задрали, кинулась к им-то, а возле кучи фигуры скачут, ненашенские, и больно на чертей похожие. А рядом две девки в белых сорочках топчутся. Жуть прям.

– Боже мой, страсти-то какие! – охнула Гутя и прикрыла рот ладошкой.

Малаиха и сама вытаращила глаза от ужаса и зловещим шепотом продолжала:

– А то! Меня так всю и скорезило! Стою – дыхнуть боюсь. А потом чую – кто-то меня за плечо, от сюда вот щиплет.

– Уи-и! Вы на себе-то не показывайте! – поросенком взвизгнула Аллочка. – Меня б кто ущипнул, я б обос... обособленно себя всю жизнь вела.

– Аллочка! – шикнула на нее сестра. – Ну и кто это щипался-то? Севастьян?

Рассказчица выпрямилась, передохнула и помотала головой:

– Не, я обернулась, а это Фельшер мой. И мне, вот знаете, как-то нестрашно стало. Я его на поясок и к дереву, а сама к той куче продираться стала. А ужо хошь и светает, а темно. Тут глядь-те скакуны-то меня увидали и бежать! Токо один этот мужик и остался. Он никого не увидел, так и валялся мертвый.

– Он же еще немножко живой? – не поняла Гутя.

Рассказчица окончательно освоилась, ухватила многослойное печенье и с полным ртом продолжала:

– Так мне там кода разбираться-то? Я ить думала, он ужо того... помер. Но не бросила его, нет. Веток наломала, его взгромоздила, и мы с Фельдшером его волоком доперли до самой деревни. А тут как раз Маруська Коза в уборную выскочила. Она у нас такая... язык у ей поганый, все сплетни ее. Ну и заметила, что я ташу кого-то. «Ой! – орет. – Никак Егорушка в дым ужрался!» А я ж чего на родного мужа-то наговаривать стану? «Гляди, говорю, Фельшера искала, а тут мужука нашла. Глянь, говорю, ежели не веришь. Небось из городских кто потерял. Вчерась-то на даче вон как с ума сходили, мясами всю ночь трясли». Это я про вас ей. А она мигом подсчитала, что из вас деньги выудить можно, и ну причитать: «Давай его ко мне перетащим, на кой он тебе,дох-

лый-то, нужен, добро б целай». А мне и правда без надобностей. Мы к ей и перетащили. Я, правда, никак уснуть не могла, к соседке вашей сбегала да попросила, чтоб, значит, она вам дала знать, может, кто из ваших потерялся. А вы потом уже сами и нарисовались.

— А соседка только сегодня позвонила, — надула губы Гутя.

— М-да... Так вы говорите — черти незнакомые? — задумчиво скребла затылок Аллочка. — А чего в них такого... черт-ячего?

Малаиха хлопнула себя по бокам.

— Ну а кто ж ишо?! Токо они, кому ж надо по ночам с волками-то шарахаться?

— А может, это кто из ваших, деревенских? — предположила Гутя.

— У нас в деревне всего три мужука — мой Егор да два деда. Да пять бабок. Я ить тута всех знаю. Наших бабок с дедками попробуй-ка заставь прыгать — рассыпятся, костей не соберешь! А там скакали... весело как-то скакали. Точно вам говорю — нечисть! И башки таки патлаты, у нас таки прически не носят.

— А не могло это вам показаться? — допытывалась Гутя.

— Ага! Чего эт мне покажется? Я ж не пью вовсе. А эта нечисть-то потом ишо бежала долго на ногах-то. Прямо в туман и унеслась.

В таком ключе беседа продолжалась еще полчаса. Ни Гутя, ни Аллочка больше ничего не выяснили. А в дверях уже

маячила Светлана и знаками показывала, что с заданием она справилась – деревенские активистки благополучно удалились.

– Ну и что ты думаешь по поводу нечисти? – уставилась на сестру Аллочка, когда Малаиха отправилась кормить Фельдшера, прихватив в качестве подарка длинный батон. – Может, и правда черти?

– Да какие там черти, – отмахнулась Гутя. – Я думаю, нам все равно надо дождаться, когда Севастьян придет в сознание, а там и выясним, что у него за дела с местными лешаками. Меня вот другое волнует – если Севастьян все это время провалялся под кустом, кто мог звонить от имени его секретаря?

– Какого секретаря? – насторожилась Аллочка. – Так, гражданочка, этот момент осветите подробно.

Для пущей убедительности она даже постучала ложечкой о чашку и сотворила тоскливо-внимательную физию, как у народного заседателя.

– Ой, ой, прям детектив из нее попер, – усмехнулась Гутя. – Сама ты гражданочка. Светлана! А отсюда можно такси вызвать?

– Я это... я уже вызвала... – виновато топталась хозяйка дачи. – Может, вам что осмотреть нужно, а я поторопилась, но знаете, после всего этого фольклора мне здесь как-то неуютно...

Гутя сощурила глаза и медленно повернулась к сестре. Та

все еще сидела в позе несчастного следователя, от которого удрал подозреваемый.

– Аллочка! Какой из тебя детектив?! Нам же нужно было осмотреть место, где Малаиха Севастьяна нашла! Ты что – не могла свидетеля на место преступления проводить?! Тоже мне – миссис Марпл!

– Не матерись! – огрызнулась Аллочка, а сама подумала, что она чего-то и в самом деле сплеховала, но ведь она же не одна работает! – А ты чего?! Ты-то тоже только что додумалась!

– Так я и не лезу в детективы!

– Девочки, так, может, завтра с Ромочкой приедем...

Девочки не стали ждать до завтра. Толкаясь в дверях, они выскочили во двор и понеслись к Малаихе. Однако, пока искали ее дом, Анна Артемьевна бесследно исчезла, будто провалилась.

– Ну ладно, не будем прощаться, – запыхавшись, пообещала Гутя и заторопилась к даче – там уже сигналила серая «Волга» с шашечками на дверцах.

Дома никого не было. Фома еще не вернулся, и Варвара продолжала прилежно трудиться в своем офисе, поэтому можно было свободно посплетничать о происшествии. Гутя хотела было еще раз напомнить, какой томный взгляд подарил ей Севастьян из-под расквашенных бровей, но Аллочка решительно перехватила всю инициативу.

– А теперь, милочка, расскажи мне все с самого начала, – плюхнулась она в кресло и закинула ноги на подлокотники. Именно так себя ведут настоящие детективы, как ей казалось.

– Вот, Аллочка, когда ты такое лицо делаешь, мне... мне тебя побрить хочется! Прямо наголо! – раздраженно фыркнула Гутя.

– А че? – вытаращилась Аллочка.

– А ниче! Тогда у тебя весь вид глупый будет, а не только физиономия, как сейчас. Чего рассказывать-то? Я вообще тут вспомнила, что с тобой разговаривать даже не хочу.

Гутя совсем не собиралась стоять перед сестрой навтыжку и докладывать подробности того вечера. А сестра так и тянула за больное! Сейчас она так возмутилась Гутиным отказом, что ее бутылочные ноги дрыгнулись на подлокотнике и звучно грохнулись на пол.

– Чиво-о-о? Это, значит, она меня постыдно бросила в тот самый момент, когда я ей родной сестрой приходилась, сама унеслась с хахалем, а со мной же еще и не хочет разговаривать!!

– А кто постоянно мне палки в колеса вставляет, а? – шурилась Гутя.

– Фома! Это ты ему свои «Жигули» отдала, он туда теперь и сует что попало! Рассказывай, как дело было! – наседала Аллочка.

Гутя от такой наглости беззвучно захлопала ртом, о потом

возопила с новой силой:

– При чем здесь Фома! Не-е-ет, ты подожди. Зачем ты сказала Севастьяну, что у меня муж есть? Где он? – вовсю разошлась Гутя.

– Он у тебя с нашей старшенькой сестренкой, с Мартой живет. Ой, ну никакой памяти у женщины, – разводила руками Аллочка.

– С Мартой! Вы у меня всех мужей поуводили, теперь еще и на жениха заритесь. Ничего тебе рассказывать не буду! – уставилась Гутя в выключенный телевизор.

Аллочка подергала носом. Чего уж там, конечно, она зарится на Гутиного жениха. А кто вообще сказал, что он Гутин?!

– И вообще! Чем тебе Терентий не приглянулся? Умный мужчина, состоятельный! – продолжала кипятиться Гутя. – Я столько трудов приложила, чтобы его к тебе затащить! Корзину эту придумала, а ты!!

– Я не хочу Терентия... – скривилась Аллочка. – Понимаешь, у меня в мечтах такой элегантный... такой... красивый... побритый. Вот ты знаешь, хотелось бы артиста этого, помнишь... Клуно! Я б за него пошла! А, ты все равно такие фильмы не смотришь. И суешь мне убожище какое-то! Залежалый товар! От него мусором воняет.

Гутя немного отстранилась от сестры и окинула ее придирчивым взглядом. Нет, она и раньше жалела сестренку за ее внешность, но никак не подозревала о ее мужском идеа-

ле. Чтобы заиметь такого мужчину в мужа, надо было, как минимум, быть Николь Кидман. Хотя, говорят, Клуни и таких не осчастливил. А у Аллочки налицо ярко выраженные бульдожьи щечки, мешки под глазами, отнюдь не с деньгами, да еще и фигура, как у беременного бегемота...

– Ты знаешь, Алисия, такие женихи есть. Честное слово! Но я тебе сразу говорю – они лучше удавятся, чем подпустят тебя. Хотя Клуни вообще-то любит поросят. И вообще! Ты уже пропустила свою вишневую весну, когда могла еще кого-то там выбрать! Боже упаси, я не об артистах! Но соседские трактористы еще могли на тебе задержаться! А уж теперь... И почему это тебя Терентий Олегович не устраивает?! Приличный мужчина, с косой... косу ему потом ночью можно будет обрезать. А воняет от него, потому что у него бизнес такой. Он на помойке собирает антикварные вещи, а потом их продает втридорога. А спроси меня – зачем!

– Зачем?

– Да фиг его знает. Кажется, собирается в Японию!

– Да что ты! – охнула Аллочка. – А ты откуда знаешь?

– Оттуда, – потихоньку остывала Гутя. – От него все наши дамы отказались. Тоже, как и ты, – «мусором воняет, на сверчка похож!». Я к нему и обратилась. «Скажите, говорю, отчего это у вас одеколон такой – за версту помойкой тянет? Вы мне всю клиентуру распугали». Он мне и объяснил все популярно. Я, конечно, как любящая сестра, сразу тебя к нему с корзиной, а ты...

Аллочка на некоторое время онемела, сознавая, какое со-
кровище упустила, а потом принялась судорожно вытаски-
вать из шкафов вещи.

– Гутенька, а у нас больше корзины нет? Он еще хотел
мое платье за тридцатник купить, скажи, что я продам, пусть
носит, или шубейку Варькину? Слушай, а может, ему твои
сережки предложим, которые тебе бабушка отдала, а?

– Сережки не отдам, но... успокойся, я придумаю, как его
к тебе направить. А теперь давай думать – что же с Севастья-
ном приключилось?

Аллочка снова надулась.

– Я не могу думать, ты забыла – я же подробностей не
знаю.

Гутя задумчиво пробормотала:

– Да не было там никаких подробностей. Мы танцевали,
пели, смеялись, а потом... потом он мне захотел сказать что-
то важное.

– Наверное, денег занять.

– Да ну тебя! Какие деньги? Он хотел мне в любви при-
знаться, я так подозреваю. И в этот момент его кто-то оклик-
нул.

Аллочка оживилась. Она даже придвинулась ближе к
сестре и заботливо стала поглаживать ту по спине, чтобы не
раздумала говорить.

– Кто? Кто окликнул? Мужчина или женщина? Говори,
Гутя, вспоминай. Может быть, он уже кому-то признался в

любви? Ну а та и давай его сторожить, чтобы он больше про любовь не болтал кому попало...

– Аллочка, ну как ты умеешь настроение поднять! Не знаю я, кто его звал. Там так шумно было. Севастьян извинился, пообещал скоро вернуться и ушел.

– А потом?

– А потом – все.

Гуте снова припомнился тот вечер, припомнились такие дорогие глаза Севастьяна, его внезапное исчезновение, и к горлу подкатил горький комок.

– Потом он исчез, – всхлипнула Гутиэра и высморкалась в широченную юбку Аллочки. – Утром, когда я уже хотела собрать бригаду и идти его искать, позвонила какая-то женщина, представилась секретарем Севастьяна Романовича и попросила, чтобы мы перегнали его машину к ДК Труда. Якобы это он ей велел позвонить. Ну я, конечно, спросила, почему он сам не подошел к телефону. А она сказала, что у него планерка.

– Это он на работе, что ли, был, пока вы его искали? – пыталась вникнуть в ситуацию сестра.

– Какая ему работа, ты же видела, что с ним... Но нам эта дамочка хотела так преподнести. Только вот зачем? – нахмурилась Гутя.

– Это понятно, чего думать. Она просто хотела выиграть время. Кстати, а кто перегонял машину?

– Семушка... Да, точно, он. Я поняла! Надо съездить к ДК

и посмотреть, там ли машина, — догадалась Гутя.

Аллочка хотела предложить свой вариант, но Гутя сообщила лучше. Поэтому она только важно покачала головой.

— Да, Гутя, надо съездить. И еще, нам надо разработать план работы. Бери ручку и пиши. Так, сначала нам надо купить тетрадь, чтобы все данные записывать, потом купить тортик...

Гутя, которая приготовилась писать, уныло отложила ручку.

— Зачем тортик? Ты вон ни в одни джинсы не влазишь.

— Ага! Точно. Пиши дальше — купить мне джинсы!

— Алисия! Немедленно брось этот черный юмор! — подскочила сестрица. — Тут надо думать, как обидчиков найти... Хотя чего там думать — искать, да и все.

— А мне вот, к примеру, в новых джинсах куда как приятней искать, — нудно гнула свое Аллочка.

Неизвестно, сколько бы еще спорили сестрицы, но в этот момент домой вернулась Варвара. Да не одна. Рядом с ней высился худой, нескладный, похожий на богомола старичок и, далеко оттопырив мизинец, держал в руке объемный чемодан.

— Вот, мама, встречайте, — широко улыбнулась девушка с порога.

Старичок чопорно продвинулся вперед, швырнул к стене чемодан и уже приготовил губы для лобызания, но Аллочка все испортила:

– А я знаю – это новый Гутин клиент, да? Наверняка тоже страсть как жениться хочет! – принялась она строить глазки старичку. – Вот я слышала, что все женщины делятся на красивых и умных, так вам какие женщины нравятся – умненькие или такие, как я?

– А... вы же еще про красивых говорили? – растерялся гость.

Аллочка скривила губы и бросила сестре через плечо:

– Гутя, не трудись. Он такой старый! В нем мозг уже умер, одни инстинкты...

– Аллочка! – залилась багрянцем Варя. – Это...

Но старичок не слушал ворчунью, он добрался-таки до Гутя, вытянул вперед руку для пожатия и заявил:

– Лось! Простите, это не обзывательство такое, это фамилия. Так гордо и простенько – Лось Карп Иванович. Дедушка вашего Фомы. Да-с. Вот этими самыми дланями я мальчонку и выпестовал, – растопырил старичок широкие, как лопаты, руки. – А теперь изволил прибыть, да-с, поинтересоваться, так сказать, в каких условиях содержится мой внук... Простите, дамы, а чего вы гостя чаем не балуете?

Дамы и в самом деле стояли, распахнув рты, и разглядывали худого Лося. Варька уже немного успела освоиться, поэтому теперь всю тормозила женщин:

– Мам, ну давайте Карпу Трофимовичу его комнату покажем, предложим ванную...

– Да что ты, Варь, неудобно как-то гостя в ванной-то се-

лить, – зашипела Гутя и весело защебетала:– Ой! А как мы вам рады-то! Это как же славно, что вы нас навестить догадались! А Фомочка о вас столько говорил!

Фомочка и вовсе никогда не рассказывал про босоное детство, только раза два проронил, что воспитывали его в строгости и дед по субботам ради профилактики устраивал упражнения с ремнем. Но не говорить же об этом пожилому человеку, тем более что тот, судя по чемодану, прибыл издалека.

– А я ведь к вам из Омска, да-с, – сообщил гость после того, как все уселись за стол. – И тоже, надо сказать, не с пустыми руками прибыл.

Он шустро подскочил и выудил из чемодана мокрый, неприятный пакетик.

– Вот, гостинчик вам привез. Это омское мороженое, угощайтесь, у нас его чудно готовят. Только оно уже совсем растаяло, как-никак двое суток в поезде, однако ж... Кушайте, кушайте. Варенька, можете даже пакетик облизать, я отвернусь. Только...

Дедушка Фомы теперь мило улыбался Аллочке, хотел даже приладиться, чтобы лобызнуть ручку, да отчего-то передумал. Зрелая девица алела маком и смущенно грызла ногти. А Лось не умолкал:

– ...Простите, дражайшая, не упомянул вашего имени-отчества...

– Аллочка.

– Только вот вам, Аллочка, гостинца не досталось. Фома писал про вас, но я думал, вы уже съехали, замуж вышли, а вы, смотрю, все еще в нахлебницах...

– В чем? – вытаращилась Аллочка.

– Ой, да что вы! – суетливо замахала руками Гутя. – Аллочка совсем не нахлебница! Она и хлеба-то не ест вовсе!

– Да! Не ем! – обиделась Аллочка. – И потом с чего вы взяли, что я... Короче, вы что же решили – что я и не работаю совсем? Я здесь тружусь, как... Вот в данный момент вы все лопаετε чай этот, с раскисшим мороженым, а я работаю! Да, Варя, и не выпучивай глаза! Я сейчас, между прочим, расследую важное запутанное дело! И сидеть мне с вами некогда, я думать пошла!

Аллачка ни за что бы не покинула стол, если бы, помимо гостинца с Омска, не кончился тортик, за которым сносила Варька. Но теперь на тарелках от него остались только крошки, и самое время было обидеться.

– Зря вы так, – покачала головой Гутя. – Аллочка очень ранимая натура, и к тому же действительно сейчас работает частным детективом.

– И много платят? – собрал белесые бровки старичок.

– Да кто ж ей платить станет?! Хотя... как знать... Ой, а чего вы конфетки не кушаете?! А вареньице? Я вам сейчас еще батончика нарежу, – засуетилась Гутя.

Но гость не хотел батончика. И конфеток тоже. Он глубокомысленно пожевал собственные губы, а потом изрек:

– Детективом? А чего ж, надо и мне поработать. Я, пожалуй, останусь у вас на месяцок-другой... Ох ты, недомыслие какое, надо ж, пока я там в Омске пытаюсь разводить томаты, здесь беззащитные женщины контролируют преступность! Нет, я определенно останусь у вас до зимы! Я просто обязан вам помочь! И потом я слышал, вы сватовством балуетесь?

Вместо Гутиного ответа в прихожей оглушительным звуком зашелся звонок.

– А вот и Фома! – радостно вскочила Варя.

В дверях появился уставший зять.

– Здорово, дед, – поздоровался он с родственником так, будто расстался с ним на вчерашнем закате. – Варь, я есть не буду, потом. Гутиэра Власовна, я вашего больного...

– Позволь, внучок, – недовольно нахмурился дедушка и гусаком вытянул шею. – Как это понимать – не будешь есть? А отчего, позволь спросить? Ты не бережешь свой желудочный тракт? Или, может, какая молодка тебя уже попотчевала?

Варенька при этих словах судорожно сглотнула.

– Фома, так ты расскажи про Севастьяна. Как он там? – кинулась к зятю Гутиэра.

Усталый Фома пытался одновременно умываться, скидывать грязную одежду и отвечать на вопросы.

– Больной? Стабильно, а это уже неплохо. Конечно...

– Я бы настоятельно попросил не прерывать мой воспита-

тельный процесс, – вдруг тяжело задышал Карп Иванович. – Так ответь мне, негодник, какая тебя красotka сегодня ублажала?

Варька снова непроизвольно сглотнула.

– Ну, в общем, состояние его не смертельное, – рассказывал про больного Фома, не реагируя на восклицания деда. – Только вот у нас не предусмотрено длительное содержание, надо куда-то вашего избиенного определять.

– К нам и определим, – мгновенно решила Гутя. – У нас его можно содержать сколько угодно длительно. Так... Аллочка! Сегодня же перебирайся ко мне, завтра в твою комнату въедет Севастьян. Он немножко поживет у нас.

– Нет, нет и нет! У нас буду жить я!! – вдруг крикливо запротестовал дедушка Лось. – Фома! Немедленно осмотри меня, я тоже жутко нуждаюсь в лечении! И мне требуется сиделка. Вот вы, дамочка, простите, никак не запомню, как вас зовут...

– Аллочка! – набычилась «дамочка».

– Ага, так вот вы, любезная, просто идеально подходите на роль сиделки.

Аллочка раздулась так, что на ней затрещала юбка, однако Фома лихо вернул деда на место.

– Дед, сейчас ты мне расскажешь, что у тебя болит, а завтра я подыщу тебе нужный санаторий.

Дед мгновенно выбросил перед носом внука кукиш. На этом процесс воспитания был приостановлен.

Поздно вечером Варька перемывала посуду, а Гутя варила коту Матвею рыбу.

– Мам, а ведь этот дедушка к нам совсем не из-за Фомы прибыл, – шепотом говорила дочь. – Он к тебе. Рассказывал, что у него нежная мечта – жениться на молоденькой. Я вот думаю – хорошо бы ему нашу Аллочку сосватать, а? В Омске бы жила...

– Ну ты тоже скажешь! – также шепотом отвечала мать. – Какая ж Аллочка молоденькая?! Ей уже сорок с хвостиком! Я бы даже сказала, с хвостом!

– Ой, мама, для него-то она еще девочка, чего ты!

– А может, ты и права, этому лосю только такая серна и требуется...

Всю ночь Гутя не могла уснуть. Она представляла, как завтра вечером к ней переедет Севастьян, такой больной, побитый... нет, не так – израненный! Он будет слабо стонать, а она, Гутя, сядет возле его кровати и будет нежно утешать... А вот утешить его и нечем. Лучше всего было бы взять и выдать ему имена обидчиков или даже их самих – пусть делает с ними что хочет. Но вот как их найти? Даже ни одной тоненькой ниточки. Мужчина спокойно отдыхал, хотел сделать предложение руки и сердца... А что же еще он хотел ей предложить? Но потом его кто-то не вовремя позвал и потом... и потом он пропал. Позже, конечно, нашелся, но в весьма потрепанном, нет, в тяжелом состоянии. Еще звонила какая-то секретарша-самозванка, просила перегнуть ма-

шину... Определенно надо завтра же сбегать на стоянку посмотреть, там ли автомобиль Севастьяна. Только вот маленькая заковырка – Гутя совсем не видела номера той машины и, конечно же, не знает названия автомобиля. Но... Но ведь Семушка же знает, он же перегонял! Решено – она завтра же с утра позвонит Светлане и попросит к телефону Ромочку. А уж тот ни за что не отвертится, все выложит.

Утром Гутя вскочила ни свет ни заря – надо было еще раз сделать влажную уборку перед приездом больного Севастьяна.

– Гутиэра Власовна, а вам чего не спится? – пробубнил недовольный зять.

Утром Фома Неверов всегда был недовольный. Сколько бы он ни спал, ему всегда было мало.

– У меня дела. Больного сегодня привезут, а у меня не постирано, белье неглаженое, потолки только в прошлом году белила, ужина еще нет...

– Да бросьте. Больного я после работы привезу, так что с ужином еще успеете.

– И... и все равно, мне надо... – никак не хотела укладываться теща.

Своей бурной беседой они разбудили Карпа Ивановича, вчерашнего гостя. Тот начал день с гимнастики – бодро принялся скакать по комнате, выкидывать в стороны длиннющие руки и высоко подкидывать ноги. От его прыжков во-

всю подсказывал журнальный столик, с грохотом открывалась дверца шкафа и в серванте жалобно позвякивали фужеры. Чего уж там, даже Аллочка не вынесла этой психологической атаки – выползла из комнаты заспанная, шумно скребя пижаму на животе.

– Фома! – рявкал Карп Иванович в перерывах между скачками. – Становись немедленно на утреннюю зарядку! Я смотрю, у тебя стали совершенно дряблые мышцы спины и ягодицы!

– А ты бы поменьше на них смотрел, – огрызнулся неблагодарный внучок и поспешно удалился на работу.

Следом за ним упорхнула и Варя, а Гутя в предвкушении потеряла руки – можно было звонить Светлане.

– Аллё, Светочка? Прости меня за ранний звонок, но мне очень нужен твой супруг, – защебетала Гутиэра в трубку. – Он еще не отбыл на работу?

– Кто это? – раздался на другом конце провода сонный голос. – А, это вы, Гутиэра Власовна? Что вы говорите? Супруг? Это Роман, что ли? Отбыл. Только вот не знаю, на службу или еще куда.

– То есть как это?

Светлана немного помычала в трубку, а потом проговорила:

– Ой, я сейчас ничего не соображаю, мы с девчонками – с Ириной, с Ниночкой – решили сегодня собраться, мужиков поменять, вот и вы подбегайте. К трем дня, мы у Ирины бу-

дем.

– А что – Ирина тоже супругом недовольна?

– Не знаю, но хочет поменять. Вы лучше приходите, а то я сейчас еще сплю...

Гутиэра растерянно устроила трубку на рычаг. На душе тихонько заскребли кошки – она теряла квалификацию свахи! Если невесты станут самовольно менять женихов, ей будет трудно контролировать браки. И что это в самом деле! Теперь даже среди невест бартер! Да уж, рынок теперь и в чувства внедряется семимильными шагами!

– Так, быстренько докладывайте – что там у вас? Бабий бунт? Невесты постриглись в монахини? У вас завелся Синяя Борода? Что вы молчите, отвечайте! – требовал Карп Иванович, прыгая на одной ножке.

– Нет, там без бороды, у нас бреются... – рассеянно проговорила Гутя и затеребила сестру: – Аллочка! Ты представляешь! Сегодня девчонки из нашего клуба знакомств собираются на девичник, чтобы поменять себе мужей! Это же катастрофа! Боже мой! Они еще не успели со мной расплатиться! А такие пары, такие пары! Нет, это определенно катастрофа!

Гутя, наконец, сообразила всю глубину финансового горя, рухнула на диван и уткнулась в шерсть кота Матвея.

– И ничего не катастрофа! – обрадованно засопела сестрица.

Она уже собиралась обратно нырнуть под одеяло, но Гутина новость резко поменяла дело – надо было крутить би-

гуди, накладывать яичную маску, а может, даже и вообще маникюр сделать.

– И ничего не катастрофа. Очень даже правильное решение – это они замечательно придумали. Самим не надо, так они собрание устроили, так сказать, распродажу – может, кому другому их мужик приглянется. Гутя! Я сегодня к девочкам надену твою блузку, ту, с сиреневыми матрешками.

– Аллочка! Ты никуда не пойдешь! Это аморально! – крикнула Гутя прямо в ухо коту.

– Фиг тебе, пойду, может, и мне что достанется.

– И мне, – быстренько сообразил Карп Иванович. – Гутя, а у вас там молоденькие женские экземпляры не выбрасывают? У меня, знаете ли, самые скромные требования – чтобы готовила хорошо, шила-вязала, чистоту опять же поддерживала, ну там влажная уборочка утром и вечером, а еще чтоб личико такое, знаете, чтоб хорошенькое. Ну и заработок...

– Ой! Я ж за молоком не сбегала! – всплеснула руками Гутя и постаралась удрать от вдохновленных родственников.

Сколько она ни бегала по магазинам, а возвращаться пришлось. К тому же время неумолимо приближалось к трем. Гутиэра уселась перед зеркалом и принялась украшать себя косметикой – надо было торопиться к клиенткам, а потом... потом к ней привезут Севастьяна.

– Гутя! Ну как же ты долго! – носилась возле нее Аллочка и постоянно вырывала из рук сестры то помаду, то тушь, дабы довести свою красоту до совершенства.

Она уже втиснула себя в Гутину кофточку, и та предательски обтягивала каждую жировую складку на Аллочкинском животе. Однако Аллу это нимало не смущало, сама себе она казалась ужасно соблазнительной.

Карп Иванович тоже достал из чемодана свежую рубашку, пахнущую нафталином, прилизал остатки шевелюры и даже помазал бывшие кудри подсолнечным маслом.

– Гутя! Вы заставляете меня ждать, и я ужасно нервничаю, – крутился он возле Гутиэры. – Гутенька, у меня поднимается давление! Шевелитесь быстрее!

Гутя заканчивала красить ресницы, когда под самым ее ухом раздался пронзительный визг.

– Гутя-я-я!! – верещала Аллочка и хлопала себя по запудренным щекам. – Гутя!! Какой идиот насыпал тебе в пудру известки со всякой дрянью?!! У меня на известку аллергия!!

– Аллочка! Ну успокойся, с чего ты взяла, что там известка? Мы же не знаем...

– Нет, известка!! Я знаю! Я ж ее сама тебе сыпала!! Ой-й-й, теперь вон как всю морду разбабахало!

– Аллочка! Ты же интеллигентный человек. Надо говорить – лицо, – торопливо одернула сестру Гутя и покосилась на Карпа Ивановича. – Ах, Аллочка, девочка моя, как жаль. Придется тебе посидеть дома. Но! Не отчаивайся. С тобой побудет наш гость – Карп Иванович. Карп Иванович, вы уж не откажите, скрасьте девушке одиночество.

Карп Иванович обиженно запыхтел, но вслух возражать

не осмелился. Однако и скрашивать одиночество престарелой девушке совсем не собирался. Он упрямо натягивал парадные белые носки в крупную полоску и делал вид, что не слышит уговоров сердобольной сестры.

– Ну, Карп же Иванович! Ну зачем вам наши девичьи посиделки? Я бы на вашем месте не торопилась... А ну вас, тащитесь.

Глава 2

Вежливость богача – вовремя скончаться

У Ирины уже все были в сборе. Возле окна нервно вздрагивала и прикладывала платочек к глазам Светлана, глубоко в диванных подушках утопала Ниночка – дама не слишком приятная, которой все никак не удавалось подыскать пару, а сама хозяйка челноком сновала между кухней и гостиной с тарелочками, фужерами и льдом.

– Гутиэра Власовна! А мы ведь уже заждались! – встретила она гостей. – Вон, Светлана уже всю косметику размазала – по второму заходу ревет. А я ей всегда говорила – на косметике экономить нельзя, себе дороже. Ну и посмотрите, на кого она похожа – чучело!

Чучело Светлана от подруги такого «утешения» не ожидала и еще сильнее принялась горевать, теперь она даже стала подвывать в голос. Однако ж, увидев Карпа Ивановича, смутилась, как-то неловко крякнула и, призывно виляя задом, унеслась в ванную. Все-таки Светлана была женственна даже в горе.

Через минут десять все уже сидели за маленьким столиком, единственный мужчина разливал дамам рубиновое вино, кокетничал и игриво дергал бровками, а дамы захлебывались.

вались возмущением, обсуждая мужскую жестокость.

– Нет, вы прикиньте, какое коварство! – изо всех сил тащила глаза Ирина. Она была совершенно милой и по-детски непосредственной особой, лишь при мужчинах она становилась нудной привередой. – Это значит, он специально со мной решил расписаться, чтобы начать новую жизнь! А мне что говорил? «Я, Ируsik, долго не протяну. Помру, все тебе достанется!» Я как последняя дура поверила, а он и во все помирать не собирается! Еще и лечиться надумал! Надо же и совесть иметь! Мы еще с ним не расписались, а он уже о своем здоровье печется! Так и правда, чего доброго, вылечится! Не-е-ет, я так не согласна.

– Ну, милочка! – лукаво щерился Карп Иванович. – Да разве ж это повод, чтобы мужчину менять?

– Господи! – посмотрела на него Ирочка, как на блоху. – Да мужчин надо менять без всякого повода! Как обувь! Для пляжа – один, легкий и сексуальный, для сырой погоды – другой, теплый и надежный, там уж не до красоты, для весны – что-нибудь романтическое... А здесь!.. Если это не повод! Начинать семейную жизнь с такого обмана!.. Нет, я его обязательно хочу Светлане передать.

Женщина грациозно опустилась на стул, закурила и стала упиваться своим благородством.

– А почему это только Светлане? И мне можно! – пыталась выкарабкаться из глубокого дивана Ниночка. – Мне такой как раз на даче пригодится. И потом, лечиться вместе с

ним будем. А то я замечаю – как приезжаю с дачи, так у меня в животе что-то так и трещит, так и трещит. А Светочке на даче он только весь интерьер испортит. Я же была у нее! Кругом красота – розочки, листики всякие, прудик с лягушками, а тут тебе такое украшение – Ирочкин мухомор! Да она еще и не выяснила ничего со своим-то Ромочкой!

Светлана горько вздыхала, но за разговором следила. Разбрасываться женихами ей не хотелось.

– А чего выяснять? – проговорила она еле слышно. – Я вообще жутко подозреваю, что он меня разлюбил! Вот прям предчувствие какое-то вот здесь гложет, и все! Представьте – приехала с дачи... Гутиэра Власовна, да мы с вами вместе ездили!

– Это вчера, что ли?

– Ну да! Приехала, а дома ни одной его вещички. И записка: «Любимая Светочка. Я тебя сегодня утром разлюбил. Не печалься, вещи свои я забрал. Твой Ромочка», – всхлипнула Светлана. – Вот и получается – пока ездила за вашим Севастьяном, своего Ромочку упустила. Конечно же, я теперь согласная меняться с Ирочкой!

Слова Светланы вызвали у женщин бурю эмоций.

– Гутиэра Власовна! Так вы за Севастьяном ездили?! – оживились дамы. – Жутко любопытно! Расскажите немедленно – куда он испарился?

– Ой, девочки! – тут же забыла Светлана про свое горе. – Его кто-то не поделил! Он такой весь... весь такой потрепан-

ный, как будто его на клочья рвали! А еще побитый, прямо и вот здесь, и вот здесь, и еще на лбу и на груди! Ниже я не смотрела, но вот лицо, руки... Нам даже говорили – его какие-то черти по лесу таскали! Такие страсти!

– А кто его так? – допытывались женщины.

– Да кто ж скажет! – махнула рукой Гутя. – Его нашла местная жительница где-то в лесу, домой приволокла, видела людей каких-то, а больше ничего не знает. А мы даже не догадались место преступления осмотреть.

В разговор немедленно вступил единственный присутствующий мужчина. Он вообще не любил долго находиться в тени. Карп Иванович поднялся во весь свой рост, подрыгал затекшими ногами и презрительно скуксился:

– Это непростительная глупость, да-с. Как же вы разбойников искать станете? Вот, я вам доложу, ненаметанным глазом видно, что в вашей главе не стоял мужчина! Вожак! – высказался Карп Иванович и в расстроенных чувствах даже плеснул себе в рюмку вина больше обычного. – И почему меня не пригласили? Я, может быть, разрешил бы ситуацию, на месте преступления прогулялся, воздухом подышал, там же лес! Поискали бы, может, грузди бы нашли, маслята... мда... вы же понимаете, я это улики так называю... Надо было съездить. Девочки! Давайте выпьем за меня!

– Надо было съездить, только у нас машины не было, – согласилась Гутя, игнорируя тост.

– Ну, машина – ерунда, – авторитетно заявила Ниночка. –

Вон у Ирины авто простаивает. Завтра можно будет съездить.

– Ирочка! – чуть не захлебнулся Лось.

Он подскочил к женщине, плеснул ей вина мимо рюмки и быстро затараторил:

– У вас есть автомобиль?! Боже мой! Какое счастье! Я наконец встретил свой женский идеал! Ирочка! Вы должны быть моей! Не надо никого менять! Надо просто выгнать этого пошлого старикана, который собрался жить долго и вечно, выгнать его из вашего сердца и уйти ко мне! Я беру вас не глядя! Даже с автомобилем!

– Нет, ну зачем же не глядя! – жеманилась Ирочка. – Что уж, мне и показать нечего? Но... Мне абсолютно некогда! Придется завтра везти женщин на место происшествия! – снова вытаращила Ирина хорошенькие глазки. – Надо же как-то бороться с хулиганством!

Женщин тянуло на борьбу. Она стали скорбно собирать брови домиком, тяжело вздыхать и кивать головами, дескать, да, везти на место происшествия придется.

– Прямо так за мужика обидно, – подливала масла в огонь Светлана. – Лежит такой весь синий... А ведь какой был! Ирина, вот очень жаль, что ты его не видела! Красавец! А как воспитан! Возле Гутиэры прямо голубем вился, голубем... Гутиэра Власовна, а вы его менять не будете?

– Ага! Будет она! – обиженно хрюкнул родственник Лось. – Она его из больницы к себе перетащила! Теперь у

нас лечиться будет. А у нас разве есть возможность? Я вот тоже весь больной – и ноги по утрам выворачивает, и мочевой пузырь шалит, и в спину всту... Хотя я-то, конечно, еще о-го-го! Ирочка, обратите внимание – я прямо-таки плюю на ноги, на мочевой пузырь и на спину! Потому что еще молодой и бравый!

Женщины как-то не слишком интересовались бравым и молодым Лосем с его шаловливым мочевым пузырем, а, во-все даже, напротив, расспрашивали про больного и немощного Севастьяна. Гутя рдела. И в самом деле, разве с ее Севой может сравниться какой-то Ромочка! Ах ты! Ромочка! Она же из-за него и пришла.

– Светлана, а ты не помнишь номер сотового телефона твоего супруга?

– Он мне и не супруг вовсе, мы же не расписывались! – снова вспомнила о трагедии Светлана. – Но номер сотика помню. Давайте я вам на листочке напишу. А вы ему звонить будете? А я так из принципа не звоню! Да еще и телефон у него отключен был. Но вы все равно позвоните, вдруг ответит.

Через минуту Гутя уже кричала:

– Аллё! Роман, это вы?! Девушка, позовите Романа!.. Ах, это не девушка, а как раз Роман и есть? Как я удачно на вас напала!

– Гутиэра Власовна, – тут же подскочила Светлана и зашипела в ухо: – Скажите ему, что у меня от расстройства

сердечный приступ. Ну говорите же!

– Подожди, Светочка! Аллё, Роман, это Гутиэра Власовна!.. Да! Да, Гутиэра Власовна!.. Ах вы узнали! Как мило!.. Куда идти? Ну знаете... Не пойду!!

Гутя бросила трубку и аккуратно вытерла ухо. Сейчас Ромочка такую гадость сказал, как будто в ухо плюнул.

– Ну что?! Он вам сказал, что дико обо мне скучает? – горели глаза Светланы.

– Нет, он просто сам весь дикарь. Послал меня... Ну, в общем, в телефоне что-то зашипело, отключили, наверное, за неуплату, – сконфузясь, объяснила Гутя.

Больше сидеть среди дам необходимости не было. К тому же вот-вот Фома должен был привезти Севастьяна, а у нее еще и ужин не готов.

Гутя стала прощаться.

– Карп Иванович, собирайтесь, вы только свои туфли полчаса надеваете, так что поспешите, мы торопимся, – предупредила она родственника.

Но тот неожиданно уперся:

– А я, Гутенька, остаюсь. Мы тут с девушками винца попьем. Я им расскажу, как моя жена-покойница лечила аппендицит народными средствами, да-с. Очень необходимая информация. Она, правда, после этого скончалась, но сам процесс лечения я записал. Так вот, девочки! Приготовьте карандашики, сейчас диктовать буду.

Гутя поняла, что Лося звать домой – швырять время на

ветер, поэтому больше не настаивала.

Дома невыносимо пахло лекарствами. Аллочка, едва впус- тив Гутю, немедленно исчезла с самым сосредоточенным видом. Краснота с ее лица после пудры немного спала, но недовольство осталось. И все же лекарствами пахло не от Аллы. У Гути бешено заколотилось сердце. Так и есть – в комнате Аллочки уже лежал больной Севастьян и равнодушно пялился в потолок подбитыми глазами.

– Севочка! – громкими шепотом позвала Гутя. – Се-ева.

– Что это вы, барышня, шепотом общаетесь, будто я покойник какой, – недовольно оторвался от потолка больной и прикрыл глаза. – Позовите доктора, пусть снотворного даст, устал я очень.

– Я позову, только ты Расскажи – как себя чувствуешь, кто тебя так разуделал? Я обязательно их найду! Вот, ты потом сам убедишься, что...

От кровати больного доносился сочный, раскатистый храп, а глаза из-под прикрытых ресниц с любопытством под- глядывали – догадается ли хозяйка оставить больного в оди- ночестве?

– Ну и ладно... и хорошо, спи, завтра поговорим, – поуба- вилось радости у Гути.

Она и сама не горела особым желанием беседовать. Ниче- го про хулиганов ей узнать не удалось, а так хотелось блес- нуть перед растерзанным Севой своими детективными спо-

собностями.

Всю ночь Гутиэра носилась возле кровати несчастного. Больной оказался на редкость строптивым. Он, вероятно, уже выпался, пока был в бессознательном состоянии, потому что ночью не сомкнул глаз и Гутю сном не баловал. Постоянно требовал то брусничного морса, то болеутоляющего, а то и обыкновенной грелки. При этом Сева старательно прятал глаза, не желая встречаться с Гутей взглядом, нежно гладил кота Матвея и глубоко вздыхал. Только утром Севастьян забылся в глубоком сне, и Гутиэра смогла рухнуть в постель. Вахту у больничной постели немедленно приняла Аллочка.

К этому дежурству она подготовилась заранее – сделала из старенького халата мини, обкромсав его до неприличия, с вечера накрутила мелкие бигуди и даже достала откуда-то босоножки на каблучках-иглочках. Однако все ее старания так и покрылись сочным сопением выздоравливающего. В Аллочкино дежурство он так и не сподобился проснуться и не сделал ей ни одного комплимента, пусть даже взглядом. Мало того, во сне он частенько повторял имя Гути, что Аллочке уж и вовсе не нравилось. Очень скоро больничные хлопоты ей надоели, тем более что ее усилий так никто и не оценил. Снова вспомнился вонючий и загадочный Терентий Олегович – поклонник старины. Только он обратил внимание на старенькое кримпленовое платице тогда, на их первом свидании. Только он по-настоящему сможет оценить

все прелести Аллы Власовны, особенно там, в далекой Японии...

Женщина рванулась к шкафу. Где-то на антресолях у них завалялась парочка тюков с тряпьем – все руки не доходили выкинуть. Вот тряпки и пригодятся. Надо только отыскать самые рваные – и смело можно звонить и назначать свидание.

В комнате заворочался больной. Кажется, он просил чаю. Но Аллочке некогда было потакать его капризам, она уже нашла то, что искала. Из комнаты снова раздался зов, уже требовательнее. Но сестра милосердия уже всю болтала по телефону.

– Алло-о-о! – томно мурлыкала она. – Терентий Оле-егович? Это ваша добрая знакомая Аллочка... Ну как же не знаете, а даму с корзиной помните?.. С какой, с какой! С бельевой корзиной!.. Ага, вспомнили! Так вот у меня для вас несколько антикварных штучек... Ой, ну не надо так быстро! Я все понимаю... А-а-а, что за штучки? Уверяю вас, вы на такое даже не рассчитывали, там старая кроличья... хотя нет, все при встрече... Да, мне будет удобно... Что вы говорите?.. Нет ли меди? Цветного металла? Боже мой, мы металлическое не носим, что мы – древние рыцари, что ли? Но... я еще не смотрела!.. Ну конечно, притащу! Значит, завтра, возле того же моста, да? А во сколько?.. Хорошо, до встречи, мой странный романтик.

Романтик требовал еще и меди. На кой леший она ему

понадобилась, Аллочка не знала, но задумалась. В ее тряпье, которое она вывалила из шкафа, ничего медного точно не было. И металлического. Может, припереть кровать? Так на ней сейчас Севастьян выздоравливает...

Из комнаты непрерывно раздавался глас больного. Вот им заниматься было совершенно некогда. Поэтому Алла сильно обрадовалась, когда зазвонил телефон и знакомый голос вежливо попросил Гутю к телефону. Аллочка кинулась тормошить сестру.

– Гуть! Вставай! Сколько можно спать? Люди требуют тебя к телефону!

К телефону Гутиэру требовала Ниночка.

– Гутиэра Власовна! Ну мы же договаривались вчера, что едем к Свете на дачу, ну! Мы вас ждем, ждем...

– Ниночка! Я сейчас, заезжайте за мной! – вскинулась Гутя и понеслась одеваться.

Она бросила трубку и помчалась в ванную приводить себя в порядок. Следом за ней втиснулась Аллочка.

– Нет, я от тебя дурею! – забасила она. – У нее полуживой поклонник в комнате валяется, а она куда-то намылилась! Он уже который час там трубит, от жажды помирает, а она – уже и глазки себе нарисовала! Уже и куда-то лыжи наострила!

– Господи! Севастьян! Чего ж ты ему пить не дала?

– А у меня дело. Важное. Медное, между прочим, – хотела рассказать сестра про разговор с Терентием, но Гутя ее не

слушала.

Она уже стояла в дверях больного. В последнее время у них словно появилась трещина в отношениях. Нет, конечно, Гутя его, как и прежде, любила, но вот он... Почему-то постоянно прячет глаза, а если они и встречаются взглядами, у Севастьяна такое несчастное лицо становится... А ведь совсем недавно он буквально светился счастьем. Неужели его так избили негодяи, что все чувства отбили напрочь?

– Сева, ну как ты тут? Я вижу, синяки уже стали пропадать... – еле слышно лепетала Гутя, улыбаясь самой нежной улыбкой.

Синяки и на самом деле стали меняться, теперь все лицо больного красавца играло зеленовато-лимонным колером. И все же Севастьян был прекрасен. Короткие кудри, кое-где выстриженные из-за ран, высокий лоб с добротной шишкой и печальные глаза. Кажется, Гутя еще никого так не любила.

– Сева...

– Гутиэра... – разлепил уста несчастный. – Я не могу вас видеть... Принесите мне морсу и... и уйдите.

– Я все понимаю, Севочка! Ты не можешь меня видеть... Это потому, что я, я потащила тебя на эту вечеринку, это из-за меня! Господи! И я еще даже не нашла твоих обидчиков! Но я сегодня же поеду на это место избиения и...

– Не смей! – вскочил больной с подушек. – Слышишь?! Даже не думай! Это для тебя очень опасно! Это опасно для твоей жизни, неужели не понимаешь?! Даже не думай!.. Хо-

тя...

Севастьян рухнул обратно в подушки и тяжело задышал.

– ...съездить, конечно, надо. Съезди. Может, с тобой и обойдется...

– Конечно! Конечно, я сейчас же еду! Меня уже машина ждет, – мотнула головой Гутя и кинулась к двери. – А потом я приеду, и мы с тобой поговорим, хорошо?

– Поговорим... А кто со мной останется?

– С тобой? Аллочка, Карп Иванович, ты не бойся, за тобой найдется кому ухаживать. А Фома утром приходил?

– Приходил, что-то там поставил, прямо целый патронташ каких-то ампул всадил!.. Но мне стало легче, езжай...

Гутя выскочила из комнаты. За окном уже сигналила машина.

– Аллочка! Ты посиди с Севастьяном, а мы к Светлане на дачу быстренько сгоняем. Надо же место преступления осмотреть...

У Аллочки в мозгах мелькнула неглупая мысль – вот где можно достать медь!

– Я с тобой! Не таращь глаза, все равно поеду!

– Алла! Ну имей же совесть! А кто с Севою будет?

– Пусть вон наш Лось с ним понянчится! А то вчера в час ночи заявился. Тоже мне шалунишка-куртизан!

Строгий воспитатель Фомы вчера и правда припозднился, к тому же самую чуточку переборщил с винцом. Поэтому сегодня у него немножко тряслись коленки, глазки выскаки-

вали из орбит, а головка то и дело клонилась к подушке. Его просто отвели к больному в комнату и погрузили в кресло.

– Ой, ну как же вы долго! – накинулась на них Ниночка. – Мы уже хотели одни ехать!

Гутя поежилась. Получилось некрасиво. Однако сестрица, похоже, так не считала.

– Дела у нас, надо же понимать – на наших руках больной! – деловито кряхтела Аллочка, втискивая в салон выпуклости фигуры. Особенно тяжело было пристроить нижнюю выпуклость, отчего-то никак не хватало сиденья. Это злило. – Нина! Да подбери ж ты бедра!.. Господи, зачем вы ее то взяли?! Это ж лишние семьдесят килограмм живого веса!

Ниночка поперхнулась от возмущения.

– Так я ж... Мне обязательно...

– И ничего не обязательно, там все равно для вас женихов нет, даже какого завалящего скотника, всего три мужика, и тех берегут как достояние сельского хозяйства.

– А сама тогда зачем? – прищурилась Ниночка.

Гутя давно замечала, что эти две барышни совершенно не переносят друг друга.

– Девочки, не ссорьтесь, – пыталась успокоить их Светлана. – Чего нам – места в машине не хватает?

– С Ниночкой в одной машине ехать – себя не уважать!

– А с Аллой Власовной...

Машина резко затормозила.

– Сейчас еще одно слово, и обратно в город потопаете!

Пешком! – грозно рывкнула Ирина. – Со вчерашнего прям вся голова раскалывается, а они тут устроили птичий рынок!

Все испуганно засопели и оставшуюся дорогу только громко, выразительно вздыхали.

К Малаихе заявили всем коллективом. Еще в начале деревни они выпросили, где такая проживает, и теперь все вместе толпились возле ворот, во двор войти боялись – там на длинной цепи их облаивал здоровенный мохнатый пес. Женщина вышла на лай и встретила гостей настороженным взглядом.

– Здравствуй! – радостно поздоровалась Гутя. – А мы снова к вам. Вы нас еще не забыли?

Малаиха пожала плечами:

– А я вас никогда и не помнила. Вы молоко, что ль, у меня покупали?

– Ну что вы! Какое молоко! Мы же с вами беседовали про того несчастного, которого вы в лесу обнаружили, – подключилась уже и Светлана. – Помните, вы нам еще про страуса рассказывали?

– Так вы про страуса, что ль, пришли спросить? – недоуменно пялилась на них женщина.

Гутя решила подойти с другой стороны:

– Позвольте, мы пройдем. Не будем серьезными делами на улице заниматься.

– Ну... Чего ж, проходите, раз не уходите... – гостеприимно пригласила хозяйка.

Дамы маленькой стайкой потянулись в избу.

Дом у Малаихи был просторным и уютным, современные вещи мирно соседствовали со старыми, но это только добавляло теплоты.

– Вам чай греть или как? – уточнила Анна Артемьевна.

– Нет же, мы хотим, чтобы вы нас проводили на место, где нашли потерпевшего Севастьяна Рожкина.

– Госсыди, да и чего ж вам надо-то, никак не пойму! Каки таки рожки? Корову на убой купить хотите, что ль? – начала раздражаться хозяйка. – Так мы не забивали скотину, по осени приезжайте, я вам рожки оставлю, коль вы таки любители...

– При чем тут скотина? – вышла вперед Ирочка. – Вспоминайте – вы нашли в лесу избитого мужчину, передали его Маруське Козе. Он у нее лежал, а потом его забрали в город, лечиться, ну?

– Ну!

– Так вот и расскажите, где вы нашли этого мужчину!

– Ой, не знаю я, чего вы просите, токо про мужчинов вы потише говорите, у меня мужик Егор больно ревнивый. Как услышит, что я опять про мужиков... – замахала руками хозяйка и направилась к дому.

– Анна Артемьевна! Подождите! Где вы нашли избитого мужчину? – уже всерьез наседала Гутя.

Женщина только разводила руками. Вообще с ней творилось что-то непонятное, она никак не могла сообразить, ка-

кого мужчину ей посчастливилось найти три дня назад, в каком лесу это случилось и вообще – чего от нее добиваются эти ухоженные женщины.

– Избитых мужуков у нас не водится, – терпеливо пыталась объяснить она. – Кто ж у нас их лупить будет? Но ежели вам шибко надо, можете договориться с моим Егором за три поллитры, он согласится, чтоб его побили. Токо не сильно. Ежели сильно бить надумаете, тогда еще и мне доплатить надо, я ж за им буду ходить. Давайте тыщцу и хвощите мово супруга от всей душеньки.

– Вы что, издеваетесь? – чуть не плакала Гутя. – Вы нарочно так, да? Вас кто-то запугал? Помните, вы нам еще говорили, что чертей видели?

– Не, я сама не видала. Сосед наш, дед Тимоха, тот видал. Токо у его это, говорят, от пьянки было. Он так и сгинул от водки той проклятушей. А я то ить не пью, с чего бы мне черти мерещиться стали? – с сожалением цокала языком Малаиха. – А чего, в нашем лесу ишо и черти? Вот ведь всю икологию испоганили, теперича и за грибам не выйдешь!

– Но вы же сами говорили! – прижимала руки к груди Светлана.

– Ладно, оставьте чертей в покое, – махнула рукой Гутя. – Анна Артемьевна, нам надо узнать, где, в каком точно месте вы нашли избитого мужчину!

– А еще нам нужны медные вещи. У вас есть старые? – вдруг встряла Аллочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.